
ПИСЬМА Г.В. ФЛОРОВСКОГО П.П. СУВЧИНСКОМУ
(1922–1923)

Предисловие, подготовка текста и комментарии
О.Т. Ермишина

Богослов и философ Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) хорошо известен в России и на Западе. Книги и сборники статей Флоровского постоянно переиздаются и обсуждаются в научной литературе, проходят посвященные ему научные конференции. Ученики Флоровского в США составили и выпустили сборник о жизни и научном наследии учителя¹. Вместе с тем остаются не до конца проясненными некоторые страницы биографии Флоровского, мало изучено его эпистолярное наследие, хотя первые шаги в этом направлении уже сделаны².

В 1993 г. в «Вестнике русского христианского движения» было опубликовано письмо Г.В. Флоровского к П.П. Сувчинскому, датированное 31 августа (13 сентября) 1923 г.³ В 2010 г. в том же журнале появилось в сокращении еще одно письмо Г.В. Флоровского к П.П. Сувчинскому, относящееся к 1922 г.⁴ Опубликованные два письма уже приоткрывают завесу над очень интересными материалами, значимыми для понимания первых лет Г.В. Флоровского в эмиграции и его участия в евразийском движении. Дальнейшим шагом является публикация всех писем Флоровского к Сувчинскому. Введение этих писем в научный оборот исключает в дальнейшем какие-либо мифы, многие из которых сформировались вокруг поздней статьи Флоровского «Евразийский соблазн» (1928). В письмах к Сувчинскому Флоровский сам ясно говорит о своем отношении к евразийству. Он мыслил себя евразийцем, даже какое-то время претендовал на роль евразийского лидера, но только его представление об евразийстве было личным и оригинальным, во многом не совпадающим со взглядами П.П. Сувчинского, П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого. Точка зрения Флоровского какое-то время воспринималась евразийцами как част-

---

¹ Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman. Crestwood, 1993 (рус. пер.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995).

² См., напр.: Яницен В.В. Материалы Г.В. Флоровского в базельском архиве Ф. Либа (1928–1954) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2004/2005 год / Под ред. М.А. Колерова. М., 2007. С. 475–596; Софроний (Сахаров), архим. Переписка с протоиереем Георгием Флоровским. [Сергиев Посад], 2008.

³ См.: Флоровский Г.В., прот. От евразийства к Р. С. Х. Движению: Письма к П.П. Сувчинскому и Н.С. Трубецкому // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 61–65.

⁴ Флоровский Г., прот. Письмо к П.П. Сувчинскому // Там же. 2010. № 196. С. 79–81. В публикации письмо от 13 (26) июля 1922 г. ошибочно датировано 13 (26) сентября.

ное мнение, заслуживающее обсуждения⁵. Противоречия обострились после того, как Флоровский в конце 1923 г. вошел в состав Братства Святой Софии, где был членом-учредителем наряду со священником Сергием Булгаковым (председатель братства), Н.А. Бердяевым, В.В. Зеньковским, А.В. Карташевым, П.Б. Струве и др., т. е. представителями старшего поколения, к которым евразийцы относились очень критически. Флоровский, по сути, попытался соединить цели Братства Святой Софии (церковно-богословское просвещение и церковно-общественное делание) и евразийства, а когда его попытка не удалась, наступил неизбежный разрыв с прежними соратниками.

Ниже публикуются письма Г.В. Флоровского по рукописным текстам, которые хранятся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына⁶. Письмо от 31 августа (13 сентября) 1923 г., полностью опубликованное в «Вестнике русского христианского движения», в данную публикацию не включено. Предпочтение отдано остальным, ранее не опубликованным письмам. Исключение сделано только для письма от 13 (26) июля 1922 г., которое в отличие от журнальной публикации дано в полном объеме. Письма П.П. Сувчинского к Г.В. Флоровскому недавно найдены А.Е. Климовым в архиве Свято-Владимирской семинарии (Нью-Йорк, США) и опубликованы⁷.

Перед каждым письмом Г.В. Флоровского публикатором даны общая нумерация и курсивом датировка по новому стилю (часть писем Флоровского датирована по старому и новому стилям), а также место написания. Сокращения слов раскрыты в угловых скобках. Так же, в угловых скобках, даны конъектуры. Общепринятые сокращения не раскрываются. Подчеркивания и квадратные скобки в тексте сохранены и принадлежат самому Г.В. Флоровскому. Все публикуемые письма заканчиваются авторскими подписями (фамилии или фамилии с инициалом имени), которые раскрыты как «Флоровский» или «ГФлоровский». Оригиналы писем содержат примечания Г.В. Флоровского и П.Н. Савицкого⁸, которые помещены постранично под звездочками, а их авторство отмечено: *Примеч. Г.В. Флоровского*; *Примеч. П.Н. Савицкого*. Тексты публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, но отдельные авторские особенности в написании слов оставлены без изменений.

⁵ Напр., Н.С. Трубецкой писал в письме к П.П. Сувчинскому в июле 1923 г.: «Несмотря на то что “Европа и Человечество” вышла не под фирмой Евразии и что даже само евразийство зародилось во время споров и возражений против “Евр<опы> и Чел<овечества>”, все же эту мою книгу считают как бы первой ласточкой евразийства. А в ней есть один соблазн, на который правильно указывает Флоровский: т<ак> к<ак> европейская культура *soi disant* [якобы (*фр.*) христианская, то толкуют “Евр<опу> и Чел<овечество>” как выпад против христианства. Я думаю, что нелишним будет попытаться это недоразумение устранить» (*Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 50–51*).

⁶ Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 1–19; Ед. хр. 30. Л. 1–10, 13–16.

⁷ Письма П.П. Сувчинского Г.В. Флоровскому // Записки Русской академической группы в США. [Нью-Йорк], 2011. Т. 37.

⁸ После переезда из Софии в Прагу Г.В. Флоровский и П.Н. Савицкий первое время жили на одной квартире и вместе вели переписку с П.П. Сувчинским.

13 января 1922 г. Прага

13/I 1922. Praha

Дорогой Петр Петрович,

Was soll bedeuten¹ Ваше гробоподобное молчание? Мы с Савицким немедленно ответили заказными письмами на Ваши, и вот уже две недели истекли, и от Вас ни звука, ни приветов... От софианских евразиятов² тоже. Словно Вы все наложили на себя обет молчаливости и затворились в какой-то обители. У нас за это время столько событий, что и не пересказать. Первое, явная победа над Струве³, расточающим комплименты и берущим для «Р<усской> м<ысли>» и мое письмо, и хвалебную рецензию на «Исход» Бицилли⁴ и загоняющим Зайцева⁵ и т. д. Второе, резкий рост интереса к «евразийству» в чешском обществе — выдвинута идея лекции-диспута от имени чешско-русской Jednota⁶. А мы как рыбы на песке без entente⁷ с «иностранными» евразийцами. Ради Бога, напишите немедленно, что у Вас, говорили ли Вы с Гессеном?..⁸ Он напечатал статью Савицкого с многоговорящим примечанием. Стало быть, он — «наш». Как же шанс сборника? Что с обложкой? Не томите нас молчанием. — Мои статьи замерзли, отчасти из-за какого-то ощутительного разлада между нами — Берлин, Прага, София не представляют того единства, которое создал «Исход». А еще и то, что меня сильно предвосхитил в богословской статье Новгородцев⁹. Из-за отсутствия вестей от Вас и из Софии свою статью он отдал в «Р<усскую> м<ысль>», т. к. я колебался за свой риск просить ее для нас. А писать параллельно с ним я не могу, ибо это будет прямое повторение.

Мои личные занятия еще не наладились. Первое время с непривычки после болгарской Чухломы глаза разбегаются, внимание рассеяно... Масса новых книг. Встречи — с чехами, со Струве, с Новгородцевым и др. Заседания и хлопоты. Болтовня с Савицким. А вдобавок простуда, вылившаяся в форму невралгии тройничного нерва, — только сегодня я почти здоров. Здесь есть любопытный субъект — Гурвич¹⁰, философ права, он был недавно в Берлине, его знает Белый и другие. Я с ним уже завел перманентную дискуссию. Знаете, П<етр> П<етрович>, в чем, по-моему, очередная выходка «хитрости разума»?¹¹ Рушится протестантство в философии, связанное с кантовской философией — идеалистической и очень «субъектной», и вдруг резко вырастает подавляющая опасность католичества — все сейчас кинулось в метафизику, стали кричать о Всеедином, о Сущем, об Абсолюте, проклинаят *rationem*¹², восстанавливают сверхлогические начала — а по существу это горший соблазн: недвижимый мир первообразов, мир этических сумм и авторитета. Словом, *Sein*¹³ без *Werden*¹⁴. Читаю новую марбургскую штуку — Hartmann's «Grundzüge der Metaphysik der Erkenntnis»¹⁵, 1921. Да, Марбурга уже нет, но родилось что-то худшее — Фома Аквинский торжествует в сердце «протестантизма». В воскресенье состоится мое знакомство со здешними немецкими философами. И все же я хочу приехать в Герм<анию>, м<ожет> б<ыть> и надолго — в этом ли году на-

долго, или в будущем, еще неясно. Но на сколько-нибудь надо будет побывать сравнительно скоро, — пишите. Как же с книгами? Не надо ли Вам перевести деньги и сколько? Привет Анне Ив<ановне>, Марии Алекс<еевне>, Анне Дм<итриевне>, Павлицеву¹⁶ и всем. Только пишите же, наконец.

Ваш Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 1–2.

¹ что значит (*нем.*).

² Под «софианскими евразиятами» имеются в виду оставшиеся в Софии участники евразийского движения Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) и Андрей Александрович Ливен (1884–1949).

³ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — экономист, философ, общественный и политический деятель, с 1920 г. в эмиграции, в 1921 г. возобновил ранее выходивший в Москве (1880–1918) журнал «Русская мысль» (София, 1921; Прага, 1922; Прага — Берлин, 1922–1924; Париж, 1927), в котором появились первые рецензии и отзывы на евразийские издания.

⁴ Бицилли П.М. [Рец. на кн.:] Исход к Востоку. Утверждение евразийцев. София. 1921 // Русская мысль. 1922. Кн. 1/2. С. 380–382.

⁵ Зайцев Кирилл Иосифович (в монашестве Константин; 1887–1975) — правовед, публицист, богослов, выпускник Петербургского университета, состоял в Белой армии на юге России, с 1920 г. в эмиграции, жил в Софии, Праге, Париже, Харбине, Шанхае, Джорданвилле (США), с 1945 г. священник, в 1949 г. принял монашество, с 1954 г. архимандрит, профессор Свято-Троицкой духовной семинарии, редактор журнала «Православная Русь» (1949–1975). К.И. Зайцев был активным сотрудником выходивших под редакцией П.Б. Струве периодических изданий (в 1921–1924 гг. — журнала «Русская мысль», в 1925–1927 гг. — газеты «Возрождение»), в 1921 г. писал статьи для каждого номера журнала «Русская мысль», в основном о настоящем и будущем России, т. е. на близкие евразийцам темы (см., напр.: Зайцев К. Буржуазная Европа и Советская Россия // Русская мысль. 1921. Кн. 5/7. С. 115–130; Он же. Земельная революция в России // Там же. Кн. 10/12. С. 263–273).

⁶ Речь идет о Чешско-русском объединении (Česko-ruská jednota) — благотворительной и просветительской организации, осуществлявшей культурный диалог между чешским обществом и русской эмиграцией в 1919–1939 гг.

⁷ согласие, взаимопонимание (*фр.*).

⁸ Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — юрист, издатель, публицист, политик, член кадетской партии, с 1919 г. в эмиграции, один из основателей и первый редактор газеты «Руль» (1920–1931), глава Союза русских писателей и журналистов в Берлине.

⁹ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — философ, правовед, политический и общественный деятель, приват-доцент и профессор Московского университета (1896–1906), ректор Московского высшего коммерческого института (1906–1918), с 1920 г. в эмиграции, основатель и декан Русского юридического факультета в Пражском университете (1922–1924). Флоровский подразумевает статью Новгородцева «Православная Церковь в ее отношении к духовной жизни новой России» (Русская мысль. 1922. Кн. 1/2).

¹⁰ Гурвич Георгий (Жорж) Давыдович (1894–1965) — социолог, философ, выпускник Петербургского университета. С 1921 г. жил в Праге, затем переехал во Францию, в 1928 г. принял французское гражданство, с 1932 г. профессор философии в лицее Севинье, позднее профессор Страсбургского университета. С 1940 г. жил в США, преподавал в Гарвардском и Колумбийском университетах. С 1948 г. снова во Франции, профессор

Сорбонны, автор фундаментального труда «Трактат по социологии» (Traité de Sociologie. P., 1958–1960. Vol. 1–2).

¹¹ Флоровский отсылает к названию своей статьи с критикой западного рационализма в первом евразийском сборнике (Флоровский Г.В. Хитрость разума // Исход к Востоку. София, 1921).

¹² здравый смысл (лат.).

¹³ бытие (нем.).

¹⁴ становление (нем.).

¹⁵ Гартман (Hartmann) Николай (1882–1950) — немецкий философ, профессор Берлинского и Геттингенского университетов. Флоровский упоминает его книгу «Основы метафизики познания» («Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis», 1921).

¹⁶ Павлицев (далее в письмах также упоминается как Павлик) — Челищев Павел Федорович (1898–1957) — русский художник, с 1920 г. в эмиграции, жил в Германии, Франции, США, умер в Италии. Челищев оформил обложки двух первых евразийских сборников «Исход к Востоку» (1921) и «На путях» (1922).

2

4 февраля 1922 г. Прага

Дорогой Петр Петрович,

Не получая от Вас никаких известий целую неделю, мы гипотетически предполагаем одну из причин этого в уклончивости «Геликона», на что некоторое основание дали Вы сами своею яркою картинкою кипения «еврейски-европейских кругов» Берлина. Надеемся, что это не так, — но на всякий случай уполномочиваем Вас за свой личный риск, ни с кем не сговариваясь и ни от кого согласия не дожидаясь (наипаче же от софиан, вставших в беспросветный колит и клозетоманию), заключить предварительный договор с любым издательством, которое Вы найдете приемлемым, и на условиях, которые Вам представляются возможными и неубыточными. Исключение единственное: не ставить на нашей книге фирмы, которая уже определено связана с каким-нибудь политическим направлением (с есёрами, правыми или левыми, или большевиками); печатать-то можно всюду, но тогда без фирмы вообще. Впрочем, эту оговорку делаю лично я, не обсудивши ее с Савицким, — просто не знаю, как он выскажется по этому поводу*. В смысле материала все у нас наготове, и к 15 числу может быть Вам препровождено в печатогодном виде — кроме статей Трубецкого, которые еще не прибыли: но они по нашему плану должны пойти в последних листах. К 1-му же марту безусловно все может быть сдано в набор. О ходе своих переговоров немедленно сообщите нам и вообще держите в курсе дела, не останавливаясь, однако, в решениях текущих вопросов, — конечно, если не случится чего-нибудь совершенно чрезвычайного и невообразимого. С нетерпением ждем вестей от Вас. Пишут ли Вам софиане?

---

* Я принимаю мысль Г.В. как обращенное к Вам пожелание. Но это пожелание пусть не помешает Вам принять немедленное решение: и «Геликон», и «Грани» безусловно приемлемы. — Крепко обнимаю. Савицкий. — *Примеч. П.Н. Савицкого.*

Я получил ругательный шматок бумажки от Ливена и «послание обличительное о престарелых публицистах, кадетские гримзы то ж» от Трубецкого; они оба неврастенически ругаются и впали в маразм и расслабленное самоутешение, — точно дьявол в самом деле кружит их по сторонам. Трубецкой так запуган кадетскою опасностью, что боится даже того, что мы здесь в Праге бываем в одних комитетах с «почтенными покойниками и полу-покойниками» и говорим с ними «без рук»; Вас он ставит нам в пример: скажите, сколько волос вырвали из рыжей бороды Стр<уве>, когда он был в Берлине, и сколько раз отколошматили его??. Без шуток, я совсем не пойму, что Труб<ецкому> нужно. Timeo Danaos et dona ferentes¹ — тактика правильная, но, во-первых, из этого не следует, что нужно избивать всякого встречного и поперечного, а во-вторых, и dona никаких нет... Просто люди идут своей дорогою, встречаются с нами, отчасти идут некоторое время по пути, отчасти расходятся скоро... Какую важность это имеет для нас? Нужно твердо осознать, что «мы», «евразийцы» уже вошли в историю [«русской общественной мысли»], и вошли под своим именем, и нам принадлежит неограниченное право и реальная сила красить нашу вывеску в любой цвет. «Внешние» могут лишь присоединяться и тогда должны «плясать по нашей дудке». И все зависит от того, будем ли мы стойки и упорны в своем самоопределении: а для этого надо прежде всего бросить перебранку и не отлаиваться по сторонам, а идти своей дорогой, вообще двигаться, и всем вместе. Не знаю, понятны ли эти рассуждения по поводу неизвестных Вам софианцевских писаний, — думаю, что князя успели пожаловаться Вам на нас, поэтому и пишу кратко. Ваш «Вечный Устой»² читаю и очень хвалю: но не следовало бы в целях большей экспрессии и импресси кое-что сократить; у меня кое-где впечатление того, что Вы топите свою *idée-force*³ в переливах самоцветных образов — Ваша мысль так узорчато играет, что местами перестаете замечать, что она тянется, движется, развивается: получается самогипноз у читателя, вроде того дурмана, который нападает на факиров, смотрящих в перламутровый шар. Я не стану Вам ничего навязывать, но перечтите внимательно страницы (по рукописи) пятую — седьмую, — не получится ли у Вас самого такого же ощущения?*. По содержанию, помните, я в Соф<ии> очень одобрял Вас и говорю теперь почти то же самое в иных, гораздо более лапидарных и тяжкодумных словах в своем «Патриотизме». Я указываю только на форму — и единственно под углом зрения ее действительности в восприятии читателя. И еще — на стр. 7 я бы выбросил цитату из Тютчева, слишком она затаскана и мне лично звучит на мотив из цыганского романса**. На стр. 9 новая игра образов***. На стр. 10 между концом первого и началом второго абзаца hiatus⁴, который резок в виду конца 7 и 8 стр.: о «народе» ни слова, Вы начинаете говорить об искусстве, о «чистом» иск<усстве>, тогда как риторический вопрос в конце 9 стр. настраивает мысль в духе 7 и 8. Здесь, несомненно, возникнут недоумения: в какой мере сдвиг художественно-идеологический есть сдвиг русского мироощуще-

* У меня этого ощущения нет. Страницы кажутся мне хорошо написанными. — Примеч. П.Н. Савицкого.

** Безусловно согласен: такой цитаты делать не стоит. — Примеч. П.Н. Савицкого.

*** И очень хорошо! Сав<ицкий>. — Примеч. П.Н. Савицкого.

ния?*) Мне кажутся не вполне скомпонованными 7–8 и 10 стр. в отношении их планов рассмотрения. — Простите все эти мелочные замечания: мне Ваша статья настолько близка, что именно сегодня я вдруг ощутил, как много у нас не общего даже, а прямо одинакового — несмотря на всю несоизмеримость наших интуитивных плоскостей — так, как воспринимаете Вы, я никогда не воспринимаю, и обратно, — но воспринимаем мы одно и то же. И я скажу больше, для меня сейчас всего реальнее созвучность с Вами. Вот почему я так цепляюсь. — Одно общее замечание: мне мешает то, что у Вас мало «собственных имен»: именно от игры образов это получается, — слишком я всё, и контуры не проступают. — На стр. 10 решительно нехороша «психомеханика», — выкиньте красночернильную вставку**. Все, что Вы говорите об искусстве, в качестве идеала, задания — верно, я воспринимаю все Ваши слова до конца, но это ли в соврем<енном> искусстве? Здесь тема для крупного спора: скажу лишь одно — не проглядывает ли Вы содержания, качества конкретизации? Вы все говорите о «форме», о «топосе», о «ритме»... И не говорите о Боге и дьяволе. А дьявол — это «изнанка» и потому по форме очень похож на лицо. И именно потому, что Вы говорите все время о форме, стирается грань добра и зла. А это не согласуется и с самим в<ысшим> заданием — преодоления голого формализма. Религия несет откровение — и когда в искусстве Святого и Божественного вдохновения еще нет, то его «вдохновенность» не от «оборотня» ли? Богоборчество, согласен, признак религиозной одаренности, но после Христа, «примирившего» Бога и Человека, есть ли вообще место «богоборчеству»? Единственное благословенное богоборчество было даже до пророков — Иакова (я бы добавил — Иова), а теперь — богоборцы шествуют в свите царя бесов. — Стр. 13 о соборности и коллективизме — блестяща и глубинна, в особ<енности> фраза, переходящая на 14 и следующая антитеза. Но затем следует бесформенный и вялый абзац, после к<оторого> опять идут острые слова, — хорошо!!! Только «форма» у Вас значит вовсе не «форма» — а именно так «внешние» поймут, а «воплощение», «воплощенность», «конкретность» (эти два «сти» очень нехороши) — и этого они не поймут. А тогда все ухнет — чуда <нет>, где «серо» (а черт — серый!). Либо — да, либо — нет, а там — так часто переливается да и нет, что стоит только звон в ушах.

А в общем хорошо. До другого раза. Весь Ваш. Целую.

Флоровский

Привет А<нне> Ив<ановне>, А<нне> Дм<итриевне>, М<арии> Ал<ексеевне>, Павлицеву. Пишите!!

Рукопись о Герцене пытался устроить в «Слове» (Письмо к Гулькевичу переслать — адрес нужно проверить).

Переговорить о возможности напечатать книгу о Герцене по-немецки и вообще о возможности издания по-нем<ецки> аналогичных — по содержанию и направлению — книг. (В частности, той книжки о рел<игиозно>-фил<ософских> те-

* Присоединяюсь к замеч<анию> Г.В. Искусство «выскакивает» случайно. Сав<ицкий>. — Примеч. П.Н. Савицкого.

** Замечание Г.В., безусловно, правильное; здесь «психомеханика» не нужна, контекст и без нее вразумителен. Сав<ицкий>. — Примеч. П.Н. Савицкого.

чениях в России» (Соловьев — Тареев — Булгаков — Флоренский)⁵, о которой мы говорили).

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 3–6.

¹ Бойся данайцев и дары приносящих (лат.); цитата из «Энеиды» Вергилия (2, 49).

² Сувчинский П.П. Вечный устой // На путях. Берлин, 1922. С. 99–133.

³ идея-сила (фр.); здесь — ведущая идея.

⁴ расселина, отверстие, ущелье (лат.).

⁵ О русских религиозных философах и богословах Владимире Сергеевиче Соловьеве (1853–1900), Михаиле Михайловиче Тарееве (1867–1934), Сергее Николаевиче Булгакове (1871–1944), Павле Александровиче Флоренском (1882–1937) Флоровский написал позднее в книге «Пути русского богословия» (1937).

3

12–16 февраля 1922 г. Прага

12/II 1922. Praha

Дорогой Петр Петрович, сегодня приехал Новгородцев и привез письма, газеты и книги. За Keyserling¹ спасибо, уже принялся за чтение. Найдите способ переправить и остальные — Spengler² был у меня две недели, но я не успел его прочесть, теперь охочусь за другим его экземпляром — П<авла> Ивановича — и надеюсь иметь его на днях. Hegel пока мне, действительно, не нужен. С деньгами, если позволите, поступим так: не переводите Савицкому его гонорара и потом придержите получку из «Геликона», а сосчитаемся здесь. Хотя платить за марки чешскими кронами теперь и выгодно (за 100 — 24,50), я не хотел бы возиться с переводом. Я очень хотел бы попросить Вас заказать для меня еще ряд книг, если Вас это не затруднит; можно сделать так: сдайте список в лавку с моим адресом (Praha VI, Vyšehradzka třída 16, Městski Chudobinec, Ruský profesorský Sbor. Pan profesor Florovsky), разрешение на вывоз они могут (как я слышал) получить сами, так что Вам останется только заплатить деньги. Все эти деньги мне нужны не очень скоро — в течение 6–8 недель, поэтому напишите, нужно ли немедленно рассчитаться с Вами или можно отложить. Деньги у меня свободные есть и сейчас, но неохота ходить по банкам. Прибегаю к Вашему посредству, т. к. покупать книги здесь или отсюда выписывать выходит много дороже. Напишите по этому поводу теперь же — несколько слов и будьте совершенно откровенны. Еще одна просьба — достать мне последний каталог издательства «F. Meiner» в L<ei>pz<ig'e> (специально философская и лучшая в Германии фирма!) — Если Вас утруждают мои просьбы, так прямо и скажите — я не хочу недомолвок. — В Сборник я даю только одну мою статью, но большую — листа на 3, — это мой переработанный «патриотизм», в него вошла теперь часть материала для «бого-

словской» статьи, что подняло всю трактацию над уровнем злобы дня. Большого на мою долю отвести места в сборнике и технически нельзя. Теперь я занялся своею строго научной работой — прежде всего, по славянофильству. Кстати, Вы ничего не пишете о судьбе моего Герцена; П. Ив. Новг<ородцева> я не успел еще спросить о результатах его разговоров с Гессеном. Если (1) не случится ничего неожиданного, (2) если мне удастся съездить в Вену и к Вам, в Берлин, и найти кое-какие недостающие мне книги, то я рассчитываю свою диссертацию о славянофилах окончить к осени. Здесь я имею (а) подлинники всех главных славянофилов, (б) большую часть литературы о них, (в) почти полностью тех немецких (и франц<узских>) философов, которые влияли на слав<янофилов> и с<к>от<о>рыми их надо сопоставить. Недостаёт (а') нескольких русских книг о славянофилах и Соловьева, (б') полного комплекта русских толстых и историч<еских> журналов, особ<енно> старых и (в') кое-каких мелочей. В частности, для Герцена я имею здесь в Museum regni Bohemiae³ комплект «Колокола» до 1862 г., и мне хотелось бы перед печатанием проредактировать еще раз IV главу своей книги. — Стараюсь не отвлекаться, хотя много увлекательных тем, — когда я пишу письма, — между прочим, Бицилли, — они невольно разрастаются в «статьи», отдельные письма сливаются друг с другом, тяготея сложиться в некую книгу. То же происходит и с Бицилли, — наши письма занимают обычно до 16–20 полулистов. Так вырисовывается задача систематического и принципиального анализа «рационализма», от которой я пока уклоняюсь. Нужно, наконец, сделать что-нибудь «большое», напечатать книгу: а то у нас у всех очень мало «багажу» — вот почему я так настаиваю на разъяснении судьбы моего Герцена [Если «Слово» уклоняется или тянет, то, пожалуйста, поищите другое издательство, хотя бы тот же «Геликон»]; но здесь примите во внимание: (1) свою личную книгу я не согласен печатать по «новой орфографии», в которой объективно вижу убиение русской культуры, а субъективно — ощущаю веяние духа сперва безверного кадетизма, а потом одержимого коммунистического сатанизма (в общем — «жидокадетство»); (2) глава IV должна быть пересмотрена, добавлена еще одна — VI глава («от Герцена до наших дней», — конечно, без заголовка) и написано заново предисловие. Я обязуюсь это сделать очень быстро, так что печатание может быть начато сразу. Если бы было можно, я хотел бы получить право просмотра корректурных листов (это можно заменить предварительным просмотром манускрипта). Очень прошу Вас потратить немного времени на эту историю. — На днях я должен начать чтение курса «истории русской литературы» в чешском Высшем коммерч<еском> институте — Vysoka Škola Obchodna. Курс размером на один семестр и уровня гимназического, но горе в том, что нет никаких книг и придется в большой мере опираться на память.

Вы ничего не пишете о нашей свалке с Ландау⁴. Больше отвечать ему ни к чему. Он — попросту борзописец и ёрник. Головой колотиться о стенку полезнее, чем «убеждать» беспринципного жида. Одолеть нас он не может и потому вступает на путь клеветы и облепливания. Когда-нибудь выйдет на чистую воду и он. А Ваше мнение на этот счет?

Все деловые вопросы обскажет Вам Савицкий, — его очень задело хамство Ландау, и его тянет ответить письмом в редакцию... А я не чувствую себя за-

пачканным. В печатающейся новой книжке «Р<усской> мысли», январь — февраль 1922, — уже набрано мое пресловутое письмо к Струве и его очень слабый и бессодержат<ельный> ответ; там же будет рецензия Бицилли на наш сборник, принятая Струве под нашим давлением, с заключением, что «Исход» — крупное явление et caetera.

Не могу сказать, чтобы мне все не надоело: слишком мало жизни и слишком много шума, дрызг, марева и обольщений. Право, в пустыне или в затворе лучше.

Привет Анне Дмитриевне, Анне Иван<овне>, М<арии> Алекс<еевне> и Павлицеву. Почему П. не пишет. Что он делает?

Ваш ГФлоровский

А новая орфография мне очень не по нутру. Неужели необходимо капитулировать? Если да, то пусть! А все-таки противно.

13/II 1922

Вы спрашиваете меня, кого из современных философов я считаю всего ближе к себе. Ответить трудно. Поскольку я считаю нужным ориентировать философское размышление на основе православно-церковного опыта, ко всему «инославному» я отношусь оборонительно, не отрицая того, что проблемы ставятся и критика производится состоятельно и у «романо-германцев». Прямо я указал бы только на Джэмса⁵ (его филос<офские> сборники статей есть и в переводах нем<ецких>, фр<анцузских> и р<усских>, к сожалению, сейчас не могу сделать точн<ую> библиографию ссылок) и на нек<оторых> французск<их> писателей — м<ежду> прочим, очень советую книжку Leroу⁶ «La dogme et la critique», во время войны перевед<енную> по-русски с пред<исловием> Бердяева. Очень глубок и свеж Ройс⁷ — американец, в Европе почти что неизвестный. Его главные книги:

- 1) «World and individual»⁸, 2 тома,
- 2) «Spirit of christendom»⁹, 2 тома,
- 3) «Spirit of modern philosophy»¹⁰, еще 1892 г.

А затем очень советую Шеллинга — его «второй» период, см. его *Sammtliche Werke, Zweite Abth<eilung>*¹¹, все там подряд. Есть только одно полное издание — его сына, выш<ло> в 1850–<18>60 гг. и антикварно еще доступное. *Auswahl*¹² был недавно издан Meiner'ом — посм<отрите> по каталогу. — Вот и все. А самое лучшее — взяться за чтение святых отцов: это и есть настоящая «основа» для грядущего филос<офского> синтеза. Все прочее — либо техническая аппаратура и технический язык, либо симптомы разложения (саморазложения) и судорожного искания «свежего воздуха». — Не знаю, удовлетворил ли Вас. В нем<ецких> переводах можно достать, напр<имер>, Григория Нисского, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина — есть такая *Bibliothek der Kirchenväter*¹³; — Нак<онец>, возьмите Renouvier¹⁴, что попадетя: это один из сильнейших спекуляторов соврем<енной> романо-германской среды, выбивающейся из светской схоластики.

13 вечером. Павел Иванович только что мне сказал, что мой «Герцен» находится на рассмотрении Сергея Иосифовича Гессена, от заключения которого зависит разрешение его судьбы. И он же мне посоветовал через Вас поторопить С<ергея> Иос<ифовича>, — к сожалению, я лично с ним не знаком. Очень и очень Вас прошу повидаться с ним и выяснить вопрос, принявши во внимание все сказанное выше, — и в случае благоприятного ответа продолжить разговор со «Словом» на условиях, аналогичных «Геликонским» для сборника, — если они не предложат лучших! — с тем чтобы издания очень надолго не откладывали.

Мы до сих пор не имеем от Вас никаких решительно сведений о судьбе берлинского запаса «Исхода», — из Софии добиться экземпляров невозможно, а между тем здесь явный спрос — и у нас лично, и у «Нашей речи». Подтверждаем нашу настоятельную просьбу выслать, если это возможно, 20 экз. изд<ания> — «Наша речь» с указанием об уплате стоимости П.Н. Савицкому и не менее 10 экз. На наше имя gratis¹⁵, конечно. Софианские евразийцы совершенно выпали из связи, не пишут ни звука... В последнюю субботу в здешней чешской газете «Tribuna» появилась статья о евразийстве, — начало (I), где пересказано с простыми пояснениями предисловие «Исхода»^{*}; а вчера известный прикарпаторусский деятель пр<офессор> Д. Вергун¹⁶ на своей публичной лекции — мы не были, и узнали это, к своему удивлению — призывал в ряды евразийцев.

За общей суматохой, произведенной в особенности статьями Ландау, мы не имеем времени хорошенько организовать среди публики. Брошюрку Гурко еще не прочли, — но принципиально желательно пока воздержаться. Я очень склоняюсь к мысли о своем повременном органе, — но это надо очень и очень обсудить. Напишите немедленно по всем практич<еским> вопр<осам>, затронутым в этом моем письме, особ<енно> о Ландау и о Герцене. Кончаю, чтобы не разлезться на целую стопу.

Целую.

Ваш ГФлоровский

Напишите о всех берл<инских> новостях.

16/II. Кончаю письмо. В суматохе Kayserling покоится в углу, не могу развернуть и «переписки из углов»¹⁷. Нажмите на Гессена вовсю, ибо драматический исход, предполагаемый Савицким, мне мало по вкусу. Другое дело — наплевать жидам в глаза на самом деле, а разводиться эпистолярно-литературные скандалы — слишком гривуазная проза. — Очень прошу выяснить судьбы моего Герцена, теперь бесконечно осложненные всей этой жидоскотской нелепицей. Вдобавок С.И. Гессен выставил свою кандидатуру в Прагу, и мне, как единств<енному> специалисту, придется давать о нем заключение в нашем русск<ом> факультете (это вполне секретно!) — конечно, ни на минуту я не поколеблюсь сказать, он — «величина», но... согласитесь, что канитель завязалась гнусная.

Насчет нац<ионал>-большевиков напишу подробно потом. Пока ряд пунктов: 1) участники «См<ены> вех» — шваль, мелочь и тупицы, 2) морально их идеоло-

---

* «Tribuna» <—> газета «самого президента» (Масарика), и статья, кажется, инспирирована им. Евразийство в ней квалифицируется как новая разновидность русского империализма. — *Примеч. Г.В. Флоровского.*

гия отдает сатанизмом и черной мессой, 3) по всему видно, что они «политиканствуют». Мы в разных плоскостях: какой же блок?! Не ругать их? Так как мы не жидоскоты, то мы не «ругаемся», а раскрытию их идеологического гнилокровия посвящена целая глава моего «Патриотизма», который Вы скоро получите — он в диктовке и переписке. Я хочу шарахнуть Устрялова за его сатанически-безобразные статьи в «Окне» (Харбин, 1921) о «Кривых путях истории» и о «крови как удобрении для гениев». Меня от нац<ионал>-б<ольшевиков> тошнит и рвет. Мое личное — оговариваюсь! — полуфизиологическое ощущение — вроде как проглотил таракана. — То же и о Белом: не могу переносить демонического тумана, невольно крестишься... Чур меня, перечур!

Крепко целую.

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 7–10.

¹ *Кейзерлинг* (Keyserling) Герман (1880–1946) — немецкий философ, автор работ по антропологии и философии культуры. Вероятно, Флоровский читал его новую книгу «Творческое познание» («Schöpferische Erkenntnis», 1922).

² *Шпенглер* (Spengler) Освальд (1880–1936) — немецкий философ, автор двухтомного труда «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes», 1918–1922). Первый том «Заката Европы» вскоре после его выхода был уже хорошо известен в России, поэтому Флоровский, скорее всего, читал новый, второй том.

³ *Museum regni Bohemiae* — старое название современного Национального музея в Праге, на Вацлавской площади. В состав музея входит большая библиотека.

⁴ В январе — феврале 1922 г. на страницах берлинской газеты «Руль» ее сотрудник Г. Ландау в ряде статей выступил с критикой евразийства.

⁵ *Джемс* (James) Уильям (1842–1910) — американский философ, основатель прагматизма, профессор Гарвардского университета. В начале XX в. на русский язык были переведены сборники его статей «Воля к вере» (Зависимость веры от воли и другие опыты популярной философии. СПб., 1904) и «Прагматизм» (СПб., 1910).

⁶ *Леруа* (Le Roy) Эдуард (1870–1954) — французский философ, профессор Коллеж де Франс. Его книга «La dogme et la critique» вышла на русском языке в издательстве «Путь» с предисловием Н.А. Бердяева: *Леруа Э. Догмат и критика*. М., 1915.

⁷ *Ройс* (Royce) Джосая (1855–1916) — американский философ, профессор Гарвардского университета, сторонник идеалистического персонализма.

⁸ «Мир и индивидуальность» (англ.).

⁹ «Дух христианского мира» (англ.).

¹⁰ «Дух современной философии» (англ.).

¹¹ Полное собрание сочинений, 2-е отделение (нем.).

¹² сборник (нем.).

¹³ Библиотека отцов Церкви (нем.).

¹⁴ *Ренувье* (Renouvier) Шарль (1815–1903) — французский философ, неокантианец, сторонник этического персонализма.

¹⁵ бесплатно (лат.).

¹⁶ *Вергун* Дмитрий Николаевич (1871–1951) — филолог-славист, с 1921 г. жил в Праге, преподавал русский язык и славяноведение в гимназиях и высших учебных заведениях. С 1940 г. жил в Югославии, в 1947 г. переехал в США.

¹⁷ Имеется в виду кн.: *Гершензон М.О., Иванов Вяч.И.* Переписка из двух углов. Пг., 1921. Об этой книге Флоровский написал в статье «В мире исканий и блужданий» (Русская мысль. 1923. Кн. 4).

24 февраля 1922 г. Прага

24/II 1922

v Prahe

Дорогой Петр Петрович.

Вчера написал Вам длинное письмо, но не успел его отправить, как получил Ваше от 20 <февраля> и предложение «Слова» от 21 <февраля> (без рукописи пока), а Савицкий одновременно след<ующее> письмо Гессена от 20 II на бланке «Руля». «Ваше письмо заканчивается угрозой, которая противоречит добрым литературным правилам и лишает нас возможности вступить с Вами в какие-либо объяснения по затронутому Вами вопросу, ибо эта угроза, очевидно, должна стеснять свободу нашего решения». Письмо это адресовано «Господину П. Савицкому» и не содержит ни одного намека на то, что является ответом на коллективное обращение двух лиц. Напротив, второе лицо одновременно получает предложение за тою же подписью об издании его книги. Вдумайтесь, дорогой, в это сочетание и поймите, что наделал Гессен. Вчера мы обсуждали все положение с Новгородцевым. Я определенно настаивал, что в нашем письме не было никаких «угроз» и оно было написано более чем мягко; со вторым письмом П.Н. отписка Гессена разминулась. Как действовать дальше? Мы полагаем, что Новг<ородцев> прав, отсоветывая предпринимать резкие шаги, ибо при таком обороте дела оружие будет сильнее в руках тех, кто владеет прессою и т<ому> под<обное>, а по существу эта шумиха не дает ничего. Но нам представляется излишним и то, что он предлагает требовать от Гессена оглашения нашего письма и обращения в случае отказа в другие газеты или писание ему запроса от моего имени. Все это, разумеется, ни к чему реальному не поведет, а размениваться на личные препирательства скучно. Поэтому либо надо просто плюнуть, либо ответить Гессену так: «Простое указание срока Вы приняли за угрозу. — Есть люди, с которыми лучше не соприкасаться. Вы из их числа». При этом я лично уклоняюсь от всякого ответа «Слову» и передаю Герцена в другое издательство. — Лично я бы, может быть, и вовсе плюнул. У нас есть дела более важные, а своей чести я с самого начала запачканной не ощущал. Не г<осподам> Ландау и Гессенам до нее добраться. Но теперешнее поведение Вашего Гессена меня возмущает, — он идет на взятки и подкуп? Что это за наглость?! На нее лучше ответить презрением, а не шумом. Вот мое мнение, — но презрительное письмо Гессену от нас двоих я подпишу. — Скажите Ваше мнение немедленно. Мы будем молчать до истечения срока, т. е. до 3 марта. Это советует Новгородцев. От меня лично к Вам просьба немедленно спросить в «Геликоне», не возьмется ли он за издание моего Герцена, притом по старой орфографии, и то же спросите в «Гранях» и т. д. Рукопись Гессен, по-видимому, уже выслал, я ее Вам верну в оконч<ательном> виде недели через три — месяц. При сложившихся обстоятельствах идти на приманку «Слова» было бы самопродажей, хотя я и учитываю вполне, что, может быть, хороню свою книжку навсегда, ибо, подчеркиваю,

своей единоличной книги, да еще по истории русской культуры, безграмотной кадетско-большевистской орфографией пачкать не стану. Никакого «проекта договора» Гессен мне не прислал, а только предложение издать за 10 % прод<ажной> цены. Он — явный плут. Вот все, что я скажу по этому поводу.

Вчера я получил целую пачку писем отовсюду, и голова у меня вспухла. А к тому же я чувствую себя весьма неважно. — Первая половина рукописей сб<орника> В<ам> будет выслана первого марта, вторая — спустя неделю. Как с обложкой? Очень прошу внимательно прочесть мой «Патриотизм», — в гл<аве> 3 дана критика «национал-большевизма» и «скифов», — из нее Вы поймете, почему я буду со всей решительностью настаивать на невозможности какого-либо контакта с ними. Вопреки Трубецкому я думаю, что наше разделение с ними не случайно, — в отношении себя я слишком ярко чувствую все различие плоскостей — и исходов, и целей, и путей. Нас делит и топос, и идеология. И н<ационал>-б<ольшевики>, и «скифы» — решительные рационалисты и западники, а все их «евразийство» — краденая бутафория. К тому же и те и другие тяготеют к злободневности — к «конкретному» большевизму, — здесь, в Праге, лекция н<ационал>-б<ольшевика> (А. Попова¹) была sub auspiciis² сов<етской> миссии и в присутствии самого Раковского³. Это — политиканство, от которого нам надо держаться дальше. Наше дело — церковное, а «кто не со Мною, тот против Меня»⁴, — сказал Христос. Черты с младенцем действовать заодно неместно. — Согласитесь, что я рассуждаю не «легкомысленно». О том же пишу в Софию.

Относительно Вашего вопроса об эстетике отвечать мне очень трудно, ибо Ваших немцев я не читал, да и не считаю нужным их читать. Скажу одно — Гуссерль⁵ мне резко антипатичен, это — чистый рационализм. И все эти Werttheorien⁶ — схоластическая галиматья. То же относится и к Brentano⁷. А Ласк⁸ — прежде всего жид и «преодолевает» рац<ионализм> со всею жид<овской> ловкостью — ничего не выходит в итоге. Выписку — примечание Ваше возвращаю, — она ясна для меня, но будет бесполезна для рядового читателя, который эстетич<еской> лит<ературы> не читал. Вообще, я вдруг стал чувствовать, что все немцы — теперешние — ни к чему: дальше и глубже Фихте, Шеллинга, Гегеля и, допустим, Лотце никто не идет в Европе. Воистину, это — «хитрость разума», и ее пути — не к добру. Кажется, Лопатин⁹ был прав, когда говорил, что развитие философии в Евр<опе> в 60-х гг. прекратилось. — Насчет вставки конкретно и технически сказал бы так: она вполне уместна, но вся Ваша трактация чрезмерна сгущена и мало понятна для лаиков¹⁰, здесь, м<ожет> б<ыть>, прав Труб<ежкой> и Савицкий. Впрочем, это Ваше дело. Поправки к вставке я пометил на ней. Се и прилагаю.

То, что Вы пишете про С. Гессена, мне вполне понятно и тем неприятнее в связи с его кандидатурой в Прагу. — Это ужасная вещь — загрузнуть в современных течениях з<ападно>евр<опейской> и особ<енно> немецкой философии. Бойтесь этого более всего прочего. Во всем этом страшно много упадничества, — нет творческого пафоса, а есть Ordnung und Zucht¹¹. Такими не были философы поры «великих» систем немецкого идеализма. Право, немцы поглупели. Бросьте их, дорогой, — читайте Шеллинга, он много Вам даст в смысле эстетики, невыразимо больше всех теперешних жидонемцев. (Заметьте, Ласк тоже кабардинец.) — О «Переписке из двух углов» я рас-

хожусь в мнении с Вами: у Иванова есть топос, и он, по-моему, замечателен. Я кое-что написал по этому поводу, проектируя поместить в «Р<усской> м<ысли>». На днях перепису на машинке и тогда для прочтения пришлю Вам с усл<овием>, что Вы ответите по существу. «Переписка» сейчас в чтении — Новгородцев, Вернадский etc.

Пока крепко целую. Привет всем Вашим.

Флоровский

I. Очень прошу не замедлить зондирования почвы насчет Герцена в других издательствах.

II. Пришлите мне Гегеля.

III. Пошлите софианцам гессеновскую переписку — наши к Г<ессену> письма.

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 11–12.

¹ Сведений об А. Попове установить не удалось.

² под руководством, с благословения (лат.).

³ Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) — болгарский революционер, советский партийный деятель, один из основателей Коминтерна, участник Гражданской войны на Украине. С 1919 г. член ЦК РКП (б), в 1919–1923 гг. возглавлял Совнарком и Наркоминдел Украинской Советской Республики. В 1922 г. в составе советской делегации участвовал в Генуэзской конференции, с 1923 г. заместитель наркома иностранных дел и полномочный представитель советской России в Великобритании (1923–1925) и Франции (1925–1927). Один из участников троцкистской оппозиции, в 1927 г. исключен из партии, репрессирован, расстрелян.

⁴ Мф. 12: 30.

⁵ Гуссерль (Husserl) Эдмунд (1859–1938) — немецкий философ, создатель феноменологического метода, выступил против философского психологизма за объективное познание на основе чистой логики («Логические исследования», 1900–1901).

⁶ теории ценностей (нем.).

⁷ Brentano (Brentano) Франц (1838–1917) — немецкий философ, профессор Вюрцбургского и Венского университетов, автор книги «Психология с эмпирической точки зрения» (1874). Разработал учение о психических феноменах, ставшее основой феноменологии Э. Гуссерля.

⁸ Ласк (Lask) Эмиль (1875–1915) — немецкий философ, профессор Гейдельбергского университета, разработал учение о категориях («Die Logik der Philosophie und der Kategorienlehre», 1911).

⁹ Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) — русский философ, профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества. Его точка зрения на историю философии заключалась в том, что в 1860-е гг. в Западной Европе восторжествовали натурализм и материализм, которые влияют на все другие философские направления. Лопатин не утверждал, что развитие философии в Западной Европе прекратилось, но общую философскую ситуацию считал кризисной. Он писал: «Правда заключается в том, что европейская мысль в наши дни переживает один из самых болезненных и тяжелых кризисов за всю свою историю» (Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. М., 1891. Ч. 2. С. 22).

¹⁰ Лаики (от греч. «λαῖός» — народ) — в христианской церкви миряне в отличие от клириков (священнослужителей).

¹¹ порядок и дисциплина (нем.).

8 апреля 1922 г. Прага

8/IV 1922 v Prahe

Дорогой Петр Петрович.

Воображаю Ваше изумление при чтении этого письма! Я женюсь, и свадьба совершится через две недели. Вам нетрудно представить то настроение, в котором я нахожусь сейчас: поэтому ничего «толкового» от меня не ждите. Невеста моя — Ксения Ивановна Симонова — старая знакомая (еще по Чернигову) Петра Ник<олаевича>, знакомство и сближение с ней произошло уже здесь, в Праге, и сразу отлилось в форме «союза навек». Я ощущаю себя страшно и безмерно разбогатевшим и не сомневаюсь, что я просто возрастаю духовно и душевно от производимого мною переворота в своей судьбе. П<етр> Н<иколаевич> <Савицкий> такого же мнения. Содружество евразийское, т<аким> обр<азом>, обогащается новым участником. Порадуйтесь за меня и поздравьте.

Привет Вашим. Скажите про мои новости Павлицеву: в этом причина тому, что я не могу ответить на его милое письмо. Поцелуйте его от меня. Крепко обнимаю и целую.

Флоровский

Р. С. Мы оба (я и П<етр> Н<иколаевич>) ждем вестей о Сборнике, — начался ли набор?

П.Н. даже волнуется и мучается неизвестностью.

Пишите.

Жду Гегеля.

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 13.

26 июля 1922 г. Прага

Прага, 13/26.VII.1922

Дорогой Петр Петрович,

Ваше последнее письмо не идет у меня из головы. Вы не можете учесть еще, какими неисчислимыми бедами, — и бедами непоправимыми, — угрожает всем нам и нашему общему делу то опрометчивое решение, которое Вас сейчас соблазняет. Нет сомнений, Ваше возвращение в Р<оссию> означало бы не только гибель и конец евразийства, но и конец каждого из нас, — нам перестали бы верить.

И по праву. Ибо как не оценивать исторический смысл и внутреннее значение совершающейся революции, остается бесспорным, что теперешняя власть богоотступна, богоборственна и проклята. Нельзя убаюкивать себя оговорками, что в злое дело, творимое большевиками, Вы не вложите ни своего участия делом, ни сво<его> сердечного сочувствия. Всякий, кто хотя бы тем, что не саботирует, хотя бы тем, что остается на «незаменимом» месте, способствует протягиванию того адского шабаша в Р<оссии>, который ничего общего со стихийными свершениями не имеет. И тем более возвращающийся. Если прежде эта непримиримость могла казаться преувеличенной, то теперь ведь все маски сняты. И представьте, что можно сказать о людях, вышедших в тяжелую эпоху под православным знаменем и во имя Святой Руси, если они «примут» — хотя бы по маловерию — теперешнюю Р<оссию>, где отдают детей на растление иезуитам, где кощунственно разграбляют святыни, где клеветуют на священноначалие, где предают мученической казни первосвятителей, где обманом колеблют церковные устои... Если нас назовут прельстителем, — будут правы.

Поймите, дорогой, что сейчас мы в самой пучине соблазнов, — не мы лично, вся Россия, весь православный мир. И еще соль обуяет, чим осолится?¹ Волею Божией мы поставлены на вершину горы и ту ответственность, которая налагается на нас тем, что не во имя свое, а во Имя Вышнее мы вошли в жизнь, под страхом гнева Вышнего мы должны остро переживать. И я знаю, что не суду, а геенне повинны мы, если не устоим, и падением своим соблазним тьмы еще братий наших меньших.

Да, соблазны велики, и именно потому, что преспел наш час. Готовится разбойничий «собор»², соборище иудейское, да Спасителя всех и Христа предадут. И в этот момент дискредитировать тех, кто во имя православное вышел, не будучи связан ни с чем «политическим», для врага так важно. Да, именно теперь дьявол ждет, чтобы нас сеяли точно пшеницу. И надо бдить и молиться, да не внидем в горшие напасти. Да, именно так толкую я «Лицемерные похвалы» «Накануне», на которые поймался и Струве. И дай Боже, — будем страстно молиться, — чтобы из соблазнительной сети вера наша извела нас.

Дорогой, вникните во все то, о чем так трудно внятно сказать на письме. Поймите, что ныне Вас «Он» соблазняет иудовыми сребренниками, — и ищите Вышней помощи, чтобы устоять.

Скажу прямо, Вы готовите предательство и убийство. Я знаю, что сколько бы мы ни обличали Вас потом, сколько бы мы ни призывали на Вас проклятий и гнева, сего дела мы не спасем, ибо нам скажут — среди Вас тот, кто предает и убивает. И как будет горько сознавать, что этот упрек справедлив, что мы действительно не сумели удержать и сохранить брата нашего, что действительно мы сеем соблазны. И горше всего то, что ведь не только случай нас свел, — нас, «евразийцев», — а нечто сильнейшее узами метафизической упругости связывает нас. Сердце друзей разобьете, окровавите и оскверните Вы... отдадите в поругание псам.

И за что? И ради чего?

Вас соблазняют мнимые блага. Там ждут Вас мучения совести и угрызения незримые. И ужас в том, что это будет бесповоротно. Только духовник на смертном одре сможет отпустить Вам этот ненужный грех, — и именно потому, что ненуж-

ный, — смертный. На нас лежит долг удержать Вас от падения. Не противьтесь нашей любви.

Знаем хорошо и по опыту, что нелегко жить и трудно разбираться в мелочах житейских. Но не будем маловеерами. — Вы говорите, что Вам средств хватит много-много на несколько месяцев. Про себя скажу, что более или менее обеспечен (своею вольной вакансией) только до 1.1, а там... даже сбережений ни гроша. Я тоже не один. Сестра уже лишилась места в Софии. Семинария под угрозой отобрания и уничтожения. В Болгарии неспокойно. Но ужели же от этого впадать в уныние! И я ли исключение?! Тысячи живут хуже и неувереннее. Но ведь жизнь — борьба! Не за существование, животное «во что бы ни стало», а за праведное и достойное... Надо бороться и искать... И толкующему отвернется. А судьбу, уготованную рабу, схоронившему талант из-за страха гнева господина, Вы знаете. Да сохранит Господь от нее.

Молитесь! И ежели позволите сказать все до конца — мы все грешны тем, что о Боге и Церкви говорим много, а в Церковь глядим и о Боге только размышляем. Молиться и не умеем, и не хотим. И вот мы поставлены на лезвие ножа. Да не умрем к смерти! — верой!.. Кто грешен «более»? Не будем перекоряться. Любовью обьемем друг друга и тяготы друг друга понесем. Но надо молиться, плача и рыдая, пред Богом Сил, — чтобы Он безумия нашего и слабости человеческой в конечное осуждение нам не вместил.

Нельзя счесть того горя и тревоги, которые Вы вносите сейчас в наши души. Мы ощущаем адские туманы вокруг. Рассеем их взаимным напряжением верующей веры!..

Будьте стойки! Отвергнитесь уныния!

Мы с П<етром> Н<иколаевичем> <Савицким> приедем к Вам, как только это станет возможно, — через три недели. А пока мы настойчиво просим, чтобы всеми деньгами, полученными от «На путях», Вы располагали как своими. Потом Вы позволите нам помочь Вам в отыскании более длительных пособий для Вашего, — и Ваших, — благополучия. Не колеблитесь и не упорствуйте. Мы требуем такой уступки Вашей дружбы.

Я считаю необходимым немедленно посвятить в это дело Ливена и Трубецкого. Уверен, что их оценки совпадают с нашими и что нам удастся убедить Вас, — более того, спасти Вас.

Простите резкость и лапидарность слога. Дело слишком трудное, и волнение слишком велико... Вы, я знаю, поймете и простите... Но любовь не должна смягчить и расслаблять. И я не поколеблюсь пред самым бесповоротным осуждением и гневом, хотя бы с кровавою болью в душе, если Вы не захотите победить духа уныния и недозволительного малодушия и помечете бисер псам. Да, Ваши умыслы предательственны и греховны. Вас соблазняет мелкая любовь к благам века сего. И соблазняет потому, что тысячами ухищрений уже размягчено Ваше сердце. Я знаю, как все мы слабы, знаю, что не было близких духом подле Вас эти последние месяцы. Но нет извинений, когда волею избираешь то или иное. Да, нам всем простой веры недостает, и о ней надо тосковать и молиться. Вы заставили над многим задуматься и заставили узнать то, что раньше не виделось. Надо

многое отбросить из сказанного нами. Надо, ибо не иных даже мы соблазнили, а себя самих. Увы, мои давние сомнения оправдались! Революцию нельзя принимать даже метафорически.

Боритесь, дорогой, с натурализмом созерцания и привидениями Апокалипсиса...

Да хранит Вас Господь Всеблагий и да пошлет Вам Ангела мирна, доброго хранителя душам и телесам Вашим.

Крепко обнимаю.

Молитесь!

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 14–16.

¹ Мф. 5: 13. Флоровский цитирует Евангелие по церковнославянскому тексту, в русском синодальном переводе: «Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую?»

² В мае 1922 г. началось обновленческое движение, получившее негласную поддержку ГПУ и направленное на отстранение патриарха Тихона от управления Русской церковью. Обновленцы создали Высшее церковное управление и начали подготовку «собора», который прошел в Москве в конце апреля — начале мая 1923 г. На «соборе» обновленцы приняли резолюции о поддержке советской власти и лишении сана патриарха Тихона.

7

27 ноября 1922 г. Прага

Передайте прил<агаемое> письмо Лосскому¹

Прага Чешская

27 XI 1922

Дорогой Петр Петрович.

Надеюсь, что мое неблагоприятное поведение, молчание и как бы «саботаж» не разрушили Вашей приязни и Вы не откажете в моей просьбе возможно тотчас устроить мне и П<етру> Николаевичу въездную визу в Герм<анию> (для меня в Берлин, Кенигсберг и Гейдельберг) на месяц. У меня чешский загр<аничный> паспорт сроком с 5/XII по 5/I. Быть может, здесь оказалось бы полезным содействие Höttsch². Я хотел бы выехать возможно скоро, чтобы к 24-му <декабря> вернуться и провести праздники дома. Поеду я один — экономии ради. Только сейчас узнал, что теперь визы без запроса в Б<ерлин> не дают. Очень прошу Вас от нашего общего имени (моего и П<етра> Н<иколаевича>) <Савицкого> помочь нам. Быть м<ожет>, даже телефонировать! Я хотел бы выехать не позже 8–10.

В связи с этим напишите, как устроиться с помещением и сколько надо взять денег — какова стоимость жизни?... У П<етра> Н<иколаевича> завтра экзамен — последний, и потому пишу я.

Не пишу больше, т. к. рассчитываю на скорую личную встречу. Очень сблизился с Завадским³.

Привет и низкий поклон всем Вашим. Крепко Вас целую.

ГФлоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 17.

¹ В конце ноября 1922 г. высланный из советской России философ Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) находился в Берлине, ожидая визу на въезд в Чехословакию. Вероятно, Флоровский писал Лосскому в связи с его предстоящим приездом в Прагу (Лосский приехал в Прагу 13 декабря 1922 г.).

² О ком идет речь, установить не удалось.

³ *Завадский* Сергей Владиславович (1870–1935) — русский ученый, правовед. С 1921 г. в эмиграции, профессор Русского юридического факультета в Праге, автор 6-томного труда «Гражданское право» (Прага, 1923–1926).

8

27 декабря 1922 г. Прага

Praha IV. Keplerova ulica
Hotel Savoy, č.17 1
4/27 XII 1922

Дорогой Петр Петрович.

Я надеюсь вскоре написать Вам более подробно и сейчас хочу только разверить Вас в Ваших опасениях на мой счет. Статью для сб<орника> пишу — но с большим трудом, т. к. мысли разбежались, а главное, ушли в сторону чисто теоретич<еских> филос<офских> проблем. Поэтому изложение не дается, а для многого нет времени и сил. Насчет берд<яевского> журнала — я особого мнения. Кон<ечно>, надо подождать I книжки, но я лично собираюсь послать ему — когда изготовлю — довольно большую статью о пантеизме и теодицее, главу из своей филос<офской> «системы», кот<орая> все одно для евраз<ийского> изд<ания> не подойдет. Никак не могу сесть за писание — читаю и думаю сразу о трех вещах — о «системе», о книге о В. Солов<ьеве> (в связи с читаемым мною курсом о нем) и о теократии в XIX в. (читаю масонов и Местра¹). Все это — око-до кат<олического> сборника², и потому так трудно писать для него — менять «установку». Не сердитесь на меня и верьте, что я мало изменился. Привет Вашим.

Ваш ГФлоровский

Где Павлик? Привет и ему.

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 18.

¹ *Местр* (Maistre) Жозеф Мари де (1753–1821) — французский писатель, публицист, мыслитель, политический деятель, создатель консервативного и теократического учения, согласно которому абсолютная власть над народами принадлежит римскому папе.

² Речь идет о сборнике статей «Россия и латинство» (Берлин, 1923), который вышел в Евразийском книгоиздательстве и был посвящен критике Католической церкви. Флоровский написал для него статью «Два завета».

9

30 декабря 1922 г. Прага

30/17 XII

Дорогой Петр Петрович.

Присоединяюсь ко всем соображениям П<етра> Н<иколаевича> <Савицкого>. С Гессеном заключайте формальное соглашение. Ваши статьи безусловно необходимы для сборника — раз Вы думаете об отдельном издании, не упорствуйте насчет редакционных изменений для сборника: потом можете изменить текст. Раз решится вопрос с Гессеном о сборнике, подвиньте моего Герцена и скажите Гессену, что я хотел бы добавить еще заключение с проведением мостов к современности, в частности с экскурсом на тему «Герцен и Достоевский». Скажите, что на это меня толкает Кондаков¹. Скажите еще, что я уже имею предложение чешского перевода (но умолчите пока, что перевод уже осуществляется, ибо я не знаю сроков печатания). Спросите у него приблизительные условия. Я думаю, что он возьмет Герцена, ибо даже Кондаков нашел, что книга должна быть ходкой и своевременной. — Книги для меня, если Вы получили разрешение на их пересылку, немедленно заказною посылкой вышлите сюда по адресу Chudobines² — кому и сообщите стоимость расходов (и способ перевода денег Вам). Как вообще осуществляется получение разрешения на пересылку книг? Дело в том, что я хотел бы периодически выписывать книги из Германии — покупать здесь невыгодно, ибо здесь цену в марках по номинальной стоимости они переводят в кроны. Можно ли было бы навязать это на Вас? У меня целая серия заказов.

Привет всем Вашим. Поздравьте М<арию> Ал<ексеевну> с выздоровлением. Скажите Павлицеву, что я очень жду от него обещанного мне в Софии письма. Пусть не сердится из-за обложки.

Целую.

Ваш Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 29. Л. 19.

¹ *Кондаков* Никодим Павлович (1844–1925) — русский ученый, искусствовед, археолог, профессор Петербургского университета, специалист по византийскому и древнерусскому искусству. С 1920 г. в эмиграции, профессор Софийского (1920–1923) и Пражского (1923–1925) университетов.

² Богадельня (*чешск.*). В письме 3 упоминается как «Městski Chudobines».

28 апреля 1923 г. Прага

Praha IV. Keplerova 8, Hotel Savoy, 16-7

28.IV.1923

Дорогой Петр Петрович,

Одновременно Вам возвращаю Шпета и прошу от меня поблагодарить Бердяева. Вас за присылку крепко обнимаю и виню в опоздании. — Теперь о Ваших сомнениях насчет, т<ак> ск<азать>, блока евраз<ийцев> с «Софией»¹. Я представляю себе дело так: привлекать их в наши издания решительно нельзя, но нам следует у них писать, отдавая им менее типичное. И главное то, что наше ядро фактически и действенно треснуло: Труб<ецкой> отказывается и от статей, и от обзоров, предлагая только об евразийском вопросе. Это не всё. По-видимому, он потерял связь с действительностью, ставши Herr Ordentlicher Professor², погрязши в житейской суете и коликах. С нами он связь — живую — тоже утратил. Я вовсе не хочу от него откалываться, но... на деле, Вы и П<етр> Н<иколаевич> <Савицкий> меня поймете, и я вас, а князь не живет одною с нами думой. С тем большей ясностью я вижу необходимость «расширения», expansion, и меня страшит угрюмая недоверчивость Н<иколая> С<ергеевича> <Трубецкого> ко всем. На Новг<ородцева> он сдался, против Зеньк<овского>³ протестует, Арс<еньева>⁴ опорачивает. На каких лошадях мы поедем? Сборники наши осуществимы только при привлечении новых сил. Я думаю, что о протестантизме следует заказать статью Спекторскому⁵ как лучшему русскому знатоку дела и автору прекрасных статей о прот<естантском> рационализме. Я слегка зондировал почву и убедился, что он напишет. С католицизмом дело плохо — Бицилли обуял романо-германский дух и хандра, Верн<адский>⁶ трепещет Византии. Новг<ородцев> согласен на небольшую статью об отношении эсхатологии и общ<ественного> идеала. Сестра пишет о разделении церкви. И в итоге получается очень мало. Боюсь, что это угроза всему делу и что и первый сборник сами мы не оборудуем. Падать духом нечего, но надо пробовать. Я в ближ<айшие> дни принимаюсь за писание обеих своих статей. Задумал я их отчетливо, но еще не знаю, что выйдет. «Е<вразийство> к<ак> философская проблема» д<олжна> б<ыть> по замыслу основоположной, решать прямо, что такое и что для нас Европа и что Россия в мировом «плане». Очень думаю над книгою Бердяева⁷. Еще ответственнее о «Православии к<ак> пути творчества». Но в общем я сейчас в мыслительном подъеме, несмотря на все опасения. — Теперь возвращаюсь к блоку. Вопрос о «кооперации» я решаю пристрастно — под впечатлением измены Ливена⁸, падения Бицилли и отступничества Труб<ецкого>. Мы — трое должны вести евраз<ийский> фронт и сохранять репутацию и действенность евраз<ийского> голоса. Поэтому — а) наши «Устои»⁹ во что бы то ни стало должны выйти и быть сильными: если мы сами дадим много, то участие «чужих» будет для стороннего зрителя знаком нашей силы и победы; но как бы много мы ни дали, одни не справимся; б) нужно стать твердою ногою

и в чужих делах, — опять в своем духе; имею в виду «Софию» и рел<игиозно>-фил<ософскую> академию, безотносительно к согласию с ними и их оценке. Мне лично мало бы улыбалось ездить в Берл<ин>, но ради евраз<ийского> дела, вероятно, было бы полезно мне туда всадиться гастролером и запечатлеть евраз<ийскую> позицию. Если со мною согласны, позондируйте почву. Что и о чем читать, вопрос дальнейший, но материал у меня есть, и я могу даже предложить спец. «курс» о Соловьеве. Во всяком случае, по-видимому, мой приезд в Берл<ин> был бы евразийски полезен и дал бы возможность конкрет<етного> решения «проблемы взаимодействия». Как мне ни не хочется прерывать налаженный режим работы, и лично я очень хотел бы побеседовать с «ними», — и с Вами, разумеется. Теперь о «Софии». I — многое новое заставляет меня желать высказаться, и в «Устои» всего не вклеишь, просто ради уважения плана. Поэтому я заинтересован лично участием в «С<офии>». II. И это с той же общей точки зрения евраз<ийского> престижа желательно. Но нужно деят<ельное> участие и других евраз<ийцев>, — Ваше! Надо войти в оркестр хотя бы для того, чтобы диссонировать. При условии одновременного издания «Устоев» нашу физиономию это не обезличит. И даже, я думаю, желательно было бы проникнуть в ред<акционный> комитет, — конечно, негласно. Я говорю все о внешней стороне, не касаясь внутренней. Чужими ересями заразиться лично не боюсь, т. к. скорее стою на острие своих собственных. Опасные уклоны у Бердяева, Франка, Ильяина, конечно, налицо, и нету у них простоты. Это требует гласных оговорок. Но скорее мы идем вместе с ними. Конкретно я пока предлагаю: 1) Вам выговорить у Бердяева обеспеченное место для евраз<ийцев> в каждом № «Софии»¹⁰ — листа 2 ½ в рецензиях и статьях, 2) Подумать, чтобы Вы могли сейчас туда дать [а что в «Устои»? напишите мне определенно, да и вообще о плане «У<стоев>»], 3) предложите сейчас же Бердяеву для ближайшего № мою статью «Метафизические» предпосылки общ<ественного> утопизма» (не менее 2 листов, будет готова к 20.V) и ангажируйте с моей стороны статью «Проблема Запада в сознании Достоевского», и рецензии на «Wirklichkeitslehre» Дриша¹¹ (большую), и хорватскую книжечку Зеньковского¹². Отвечайте срочно. В обзоре катастрофических восприятий я хочу четко разграничить нашу точку зрения от тех уже опошленных декламаций, которыми начало положил Бердяев. Новгородцев дал мне книжку Pannwitz'a, «<Die> Krisis der europäischen Kult<ur>»¹³, и мне стало ясно, что за проповедью конца ев<ропейской> культуры у этих немецких гг. [господ] скрывается безверие и антихристианство: конец Европы для них конец христианства и заря нового синкретизма. Иначе это повторение Ницше, Вагнера, панвавилонистов, Блаватской. И потому о Востоке надо говорить осторожно и о равноценности культур тоже. Вместо абстрактной историологии нужна конкретная метафизика, история, берущая Европу как индивид. Систематически эту тему я хочу раскрыть в самостоятельной статье — «Европа как философская проблема». Но там для полемики нет места. А разграничение необходимо, и не только с немцами, но и с Белым, и с Ландау. Отчасти я это сделал в статье по поводу «Эпопеи», кот<орая> мною написана еще прошлым летом, но появится только в 3–4 <номере> «Русской мысли» за этот год. Нужно обозреть все главное. Мне лично это интересно и с

особой точки зрения — для систематического построения по фил<ософии> культуры. Поэтому я бы очень просил достать Шелера¹⁴, — все, кроме «Формализма», кот<орый> есть у Новг<ородцева>, а особ<енно> «Von Ewigem <im Menschen>». Сколько стоит это посл<еднее>? Надо было бы впоследствии конкретизировать и мою «Хитрость разума» в обзоре. В теперешней филос<офской> заварухе Запада надо найти поῦ στῶ¹⁵ для русской философии. Напишите, на что, по-вашему, надо обратить внимание в обзоре, спросите у Бердяева, что он знает о кризисе, — я за книгами мало слежу, да и доставать книги нерусские здесь трудно. — В церк<овном> обзоре надо дать прежде всего фактич<еские> справки, а затем углубленный отчет о внут<реннем> смысле теперешних движений Р<оссии>. Все, что у Вас есть, хоть бы и частного характера, сообщите. Достали с П<етром> Н<иколаевичем> книжечку Титлинова¹⁶, — отвратно, но поучительно. М<ожет> б<ыть>, следовало бы коснуться (впоследствии?) и католич<еского> вопроса, и польской автокефалии, — но для этого информация у нас слишком случайна и не проверена. Я предлагал бы организовать теперь же регулярную сводку материалов — вырезок, выписок из писем и т<ому> под<обного> — по церк<овным> вопросам (и рел<игиозно>-фил<ософским>). Посоветуйтесь с Араповым¹⁷. Это было бы очень важно широко поставить — определенно освещенные сводки были бы очень влиятельны. — Вот Вам мои евраз<ийские> планы.

Мои личные планы таковы: после статей для сборников взяться за две большие вещи: первое — то, о чем я уже писал, — переработка курса о Соловьеве. Здесь будет не только изложение, и даже более чем критика: я замышляю своего рода философию русской философии и хочу ее раскрыть на образе Сол<овьева> как на типической и центральной фигуре XIX в. Поэтому часть книги — конец — надо посвятить тому, что было после Соловьева: сюда д<олжны> войти характеристика Рел<игиозно>-фил<ософских> собраний¹⁸, Блока и Белого, «Пути»¹⁹, Трубецких²⁰ и т. д. Многого пока я еще не нашел, но исподволь накапливаю материал. Левиафан²¹ мой выйдет криворотым, т. к. трудно сочетать историч<еские> и критич<еские> части. Сюда же должна войти и характеристика з<ападно>евр<опейской> филос<офии> XIX в., от «кризиса»²² кот<орой> Сол<овьев> отправлялся. Поэтому мне приходится раскидывать свои сети очень широко, — вплоть до Гуссерля и Когена. Не буду очень торопиться, т. к. издат<ельские> перспективы равны нулю. Но откладывать тоже не буду. Второе ж более конкретно: неб<ольшую> книжечку о Дост<оевском> — «Трагедия свободы. Религиозное сознание Д<остоевского>». Для этого я хотел бы подыскать издат<ельскую> возможность к осени. Очень актуальная тема! Я ее продумываю уже второй год и, кажется, достиг той точки, от которой можно, обложившись книгами, начать писание. Я это хочу сделать за лето. Ужасно противно с книгами — на розыски тратится колоссально много времени. Все эти планы лишь части большого целого, которое я с тягостью ношу в голове. Писать о нем трудно, — надо говорить. Я вечно думаю то с хвоста, то с головы, и при таких условиях выполнять планы трудно.

3.VI — мой диспут. А диссертация т<ак> и не печатается. Ее ангажировали в издат<ельстве> «Р<усской> м<ысли>» без отчетливого сговора со мною, т<ак> ч<то> в «Слове», вероятно, взбесились и меня чествят. Но теперь для само-

го себя прошу заказать в «Книге», если нельзя достать для прочтения и отсылки след<ующее>:

1. Дукьянов. Влад<имир> Соловьев в молодые годы. П<етроград>, 1922. т. III (если можно и первые два).

2. А.И. Огнев. Л.М. Лопатин. П<етроград>, «Колос», «Биографич<еская> библиотека», 1922.

3. Г.Г. Шпет. Эстетические фрагменты, вып. 1. П<етроград>, «Колос», 1922.

4. Г.Г. Шпет. Очерк развития русской философии, т. 1 (хотелось бы иметь в собственность).

5. Творчество Достоевского, сборник под ред. Л. Гроссмана. Одесса, 1922 (ссылка по «Печати и революции», I, 3).

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 1–4.

¹ В данном случае под «Софией» подразумевается Братство Святой Софии, которое возникло в России в 1919 г. и было возобновлено в эмиграции в конце 1923 г. (председатель — священник Сергей Булгаков, секретарь — В.В. Зеньковский, члены — А.В. Карташев, А.В. Ельчанинов, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев и др.). О братстве подробнее см.: Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939. М.; Париж, 2000.

² господин ординарный профессор (нем.).

³ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — священник, философ, богослов, литературовед, историк русской философской мысли. С 1920 г. в эмиграции, сначала в Югославии, в 1920–1923 гг. профессор Белградского университета, в 1923–1926 гг. в Праге, директор Русского педагогического института. С 1926 г. во Франции, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института. О проекте Г.В. Флоровского по изданию религиозно-философского журнала и сотрудничестве с Зеньковским Н.С. Трубецкой писал 12 февраля 1923 г.: «Флоровскому придумается, с одной стороны, придумывать для других темы, с другой — вводить в число сотрудников разных посторонних нам людей вплоть до Зеньковского» (*Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 46*).

⁴ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977) — философ, богослов. С 1920 г. в эмиграции, в 1920–1944 гг. преподавал в Кенигсбергском университете, по совместительству в 1926–1938 гг. читал курсы на православном богословском факультете Польского государственного университета в Варшаве. В 1945–1948 гг. профессор Богословского института св. Дионисия в Париже, с 1948 г. жил в США, профессор Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке.

⁵ Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) — русский философ, правовед, профессор Киевского университета (1913–1919). С 1920 г. в эмиграции, в 1920–1924 и 1927–1930 гг. профессор Белградского университета, в 1924–1927 гг. профессор Русского юридического факультета в Пражском университете, с 1930 г. профессор Люблянского университета. В 1945 г. переехал в Италию, с 1947 г. жил в США и был профессором Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке.

⁶ Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) — русский историк, приват-доцент Петербургского университета (1914–1917), профессор Таврического университета (1918–1920). С 1920 г. в эмиграции, сначала жил в Греции, с 1922 г. в Праге, профессор Русского юридического факультета, сотрудничал с евразийцами, писал для евразийских изданий статьи по древнерусской истории. С 1927 г. жил в США, профессор Йельского университета.

⁷ Наиболее вероятно, что Флоровский имеет в виду новую книгу Н.А. Бердяева «Смысл истории» (Берлин, 1923).

⁸ После того как в конце 1921 г. и в 1922 г. Г.В. Флоровский, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Н.С. Трубецкой покинули Софию, А.А. Ливен перестал отвечать на их письма и полностью отстранился от евразийского движения.

⁹ Флоровский предлагал издавать религиозно-философский журнал под названием «Устои». После того как он отвел ведущую роль в новом издании священнику Сергию Булгакову, идея журнала не была поддержана другими евразийцами, и проект не состоялся.

¹⁰ Под редакцией Н.А. Бердяева вышла только одна книга сборника «София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии» (Берлин, 1923).

¹¹ *Дриш* (Driesch) Ханс (1867–1941) — немецкий философ, профессор Лейпцигского университета, создатель системы критического витализма. Флоровский упоминает его книгу «Учение о действительности» (Wirklichkeitslehre. Leipzig, 1917).

¹² В 1922 г. в Загребе Зеньковский издал в переводе на сербскохорватский язык книгу «Критика европейской культуры у русских мыслителей», позднее книга вышла на русском языке под названием «Русские мыслители и Европа» (Париж, 1926).

¹³ *Панвитц* (Pannwitz) Рудольф (1881–1969) — немецкий поэт и философ, выдвинул учение о преодолении религии и метафизики. Флоровский читал его книгу «Кризис европейской культуры» (1917).

¹⁴ *Шелер* (Scheler) Макс (1874–1928) — немецкий философ, профессор Кельнского университета, первоначально сторонник феноменологии, затем создатель оригинальных учений в области аксиологии и антропологии. Флоровский упоминает его работы «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1913, 1916) и «О вечном в человеке» (1921).

¹⁵ где-то портик (*др.-греч.*). В Древней Греции портик (колоннада) в доме или общественном здании был предназначен, в частности, для прогулок во время дождя или защиты от солнца.

¹⁶ *Титлинов* Борис Васильевич (1879 — после 1937) — русский церковный историк, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (1911–1918), Петроградского университета (1919) и Высшего богословского института в Петрограде (1924–1929), примкнул к церковному обновленческому движению. Под «книжечкой Титлинова» Флоровский подразумевает книгу «Новая церковь» (Пг.; М., 1923).

¹⁷ *Аранов* Петр Семенович (1897–1938) — активный деятель евразийского движения в 1923–1930 гг., инициатор контактов евразийцев с организацией «Трест», в 1930 г. вернулся в СССР, был арестован, расстрелян на Соловках (по данным НИЦ «Мемориал»).

¹⁸ Религиозно-философские собрания в Петербурге проходили с 29 ноября 1901 г. по 19 апреля 1903 г., были разрешены обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым и направлены на установление диалога между интеллигенцией и духовенством (председатель собраний — епископ Ямбургский Сергей (Страгородский), члены Совета — В.А. Тернавцев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, В.С. Миролубов). Стенограммы заседаний Религиозно-философских собраний были опубликованы в журнале «Новый путь» (1903–1904), затем — отдельным изданием (Записки Религиозно-философских собраний. СПб., 1906), переизданы в 2005 г. (Записки Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). М., 2005).

¹⁹ «Путь» — издательство (1910–1919), организовано в Москве активными участниками Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, занималось подготовкой и изданием книг религиозно-философского содержания, финансовую помощь как издательству, так и Религиозно-философскому обществу оказывала М.К. Морозова. Об издательстве подробнее см.: *Голлербах Е.А.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.

²⁰ *Братья Трубецкие* — Сергей Николаевич (1862–1905) и Евгений Николаевич (1863–1920) — русские религиозные философы, входили в круг московских идеалистов конца XIX в. (вместе с В.С. Соловьевым и Л.М. Лопатиным), занимались разработкой религиозно-философских проблем (С.Н. Трубецкой — проблем соборного сознания и Логоса; Е.Н. Трубецкой — проблем западной теократии, метафизических основ познания, смысла жизни).

²¹ *Левиафан* — животное из библейской книги Иова (см.: Иов. 41), олицетворяющее мощь и силу. Флоровский иронично использует этот образ, подразумевая масштабность предполагаемого исследования.

²² Флоровский имеет в виду магистерскую диссертацию В.С. Соловьева «Кризис западной философии» (1874).

11

4 мая 1923 г. Прага

Прага. 1923.V.4

Дорогой Петр Петрович, читаю Вашу статью в «Софии»¹ и вспоминаю, как в тумане, наши беседы в другой Софии!.. О Чехове, помните, мы долго говорили еще вместе с Трубецкими. Теперь Вы его вставили в очень глубокий контекст. Несмелова² напомнить было очень кстати, хотя, знаете — есть в нем какое-то косноязычие, начинающееся уже на титульном листе: к чему это подчеркивание своей позитивной благонадежности — наука, дескать, о человеке, а не метафизический туман какой. И в итоге подлинной философской, — религиозно-метафизической, — антропологии у него не получилось, как бы ни были замечательны его книги. Очень жалко, что здесь (в Праге) не могу их перечитать. Разгадка религиозно-философских антиномий лежит именно в концепции человека... Противостоят две усеченных тезы: человек весь в бывании, либо как преходящая организованность душевно-физических сил и процессов, либо как столь же преходящая индивидуализация сверхличной стихии и — человек подлинно бытиен, имманентно-вечен — своим разумом, своею «совестью»... И как усеченные, эти тезы переливаются друг в друга: быть прочими они не могут, т. к. не стоят позади единственно спасающей Веры во Единого Бога Отца... Без нее никак не разобрать, есть ли лицо в человеке, и самый искренний субстанционалист-спиритуалист, даже монадологист, в конце концов этого не знает: всюду лики и оттого лиц не видать... Вы правильно оттеняете в начале всего значительность и остроту проблемы времени. Но она много сложнее. Есть ли время? Казалось бы, нет, и временно только что-нибудь; время не существительное, а прилагательное, неправомерно субстанционализированное, гипостазированное — во что же? Не в пустую ли схему-формулу прямой линии от α до β , от α до β или от ∞ до ∞ ? Не есть ли время то же, что тварь? Не есть ли положение (фихтевское *Setzung*)³ безусловного волей Божественной Твари — «начало времен»? И это кажется верным: хотя бы потому, что «до» творения нечему было быть во времени, нечему было течь и меняться, не могло быть реального различия моментов... Но, с другой стороны, чаем, что «времени больше не будет»⁴, а тварь не упразднится и не перестанет быть тварью, т. е. ограниченным, индивидуализованным, конечным бытием, хотя и «обогретым», преображенным, пронизанным Славою... Будет ли это вечный миг?! Переживание мига есть проекция Вечности во время, а не просто в тварь. Вы правильно отметили разрушающую реальность устремления в пустое время: можно было бы сказать с Флорен-

ским, что здесь предзачатие «смерти второй», «огня неугасающего»⁵. (заметьте динамику этого причастия: здесь есть — в пустоте нирваны — реальное дление, *durée réelle*... Я не склонен толковать это «гносеологически» — по Бергсону⁶ и Карсавину⁷, — что, дескать, здесь рассудочная дисперсия «всеединства» и непрерывности: боюсь, не будет ли психологизмом считать, что в геенне грешникам Вечность будет представляться дурною бесконечностью. Об этом напряженно, но бесплодно, на мой взгляд, рассуждает Евг<ений> Трубецкой в «Смысле жизни»⁸. Нет, там будет нечто реальное). Проблема времени неразъятно связана с проблемой зла: прибавлю, ведь и вся история человеческая — это осознанное время, есть процесс искупления от зла, и потому так соблазнительно смешать тварность и греховность, искупительное становление мира как рост Царства Божия и временное течение (бергсоновский ком!) как таковое. — Отвлеченный динамизм — безрелигиозен, это монистично-пантеистическое плескание стихий. Но и отвлеченный адинамизм, атемпорализм, уходящий в «голую» вечность, тоже неверием дышит: это «преодоление времени» уходит либо в гегелевский панлогизм и в «мировую формулу» Лапласа, либо в «дырмоляйское»⁹ моральное резонерство Толстого. И там и здесь утопия! Из-за краткости Вы не сказали всего до конца и предела. Оттого и реалистична религия, что реально и время! Не пустую же форму мы наполняем и не просто индивидуализуем «вечный тип» в одну из логически равно возможных форм (*Gestaltung*)... Неповторимы мгновения не только психологически и не только в смысле неотразимости конкретного *élan*¹⁰, но и еще как-то: всякое *t* онтологически озаменовано, как вот эта 7 секунда 11 минуты такого-то часа такого-то дня. «Теория относительности» — скверный «гносеологический» мираж. Есть онтологическое время — и есть не только в вещах, — но есть и как реальная потенция утвердиться в другой бесконечности. Нет надобности заходить так далеко, как Бердяев, и «процессуальность» переносить в Абсолютное; «небесная история» не во времени происходит, но во время не только «проецируется», а как-то «полагает» время — актуальное и потенциальное, творчески наполняемое и пустое (опустошаемое). Карсавинское «Всеединство» пахнет иллюзионизмом панкосмического неба. — Здесь много трудных и узловых проблем. И они выступают всюду при метафизически-углубленной постановке любой «специальной» задачи. Есть метафизика искусства, и у нее свои апории и антиномии. Ее проблема есть частный случай проблемы спасения — Красота спасает мир! Искупленная и приывшая искупление тварь «преображается», просиявает¹¹ Фаворским светом, «тихим светом святых славы»... И что есть «красота», определяется тем, что есть бытие и что — небытие греха и погибели. Все, что Вы говорите о романтизме, глубоко верно, грех его именно в беспредельности, почему так легко выворачивается мечтательный ром<антический> иррационализм в брутальность, «бестиализм» натуралистического антропологизма Фейербаха и левого гегельянства. Но Вашу тезу я бы иначе поставил! Ром<антический> иррационализм — рационалистичен, и смычка происходит через «интуитивную категорию» (кантовская «наглядная априорность») «оформленной рядоположенности»: для панлогиста «бытие» есть стальная паутина логических переходов от «бытия» до «вот это», для романтика оно есть неразрывная сплошность бесконечно выматываемого клубка

природных потенций, заранее данных и лишь оказывающих себя in actu¹². Если хотите, это и есть гипостазирование процесса, линейного движения, élan vital¹³. Но главное здесь в двумерности, плоскостности мироощущения, в отсутствии перспективности третьего измерения. Надо истолковывать мир по трем координатным осям: «этот» мир и «тот». Я пересказываю Ваши же мысли, и очень скверно, обрывисто, — но стараюсь уточнить постановку вопросов. «Реализм» Ник<олая> Кузанского¹⁴, проповедуемый нынче С.Л. Франком¹⁵, есть столь же ложный путь, к<ак> и романтика: это есть спроектированная в плоскость трехмерность! «Вечное», подлинное этого мира все перенесено в «тот», так что «этот мир» в своей идеальной структуре есть лишь проявление потусторонней пластинки. Н. Куз<анский> есть подлинный родитель романтизма и родоначальник новоевроп<ейского> неверия. Посмотрите о нем, кроме карс<авинского> Бруно¹⁶, еще поучительную книгу Herm<ann>a Schwarz'a — «Der Gottesgedanke in der Geschichte der Philosophie»¹⁷ («Synthesis», серия, изд. С. Winter'ом в Heidelberg'e, т. IV, 1913) и его же дельную статью — «Die Entwicklung des Pantheismus in der Neueren Zeit»¹⁸ в «Zeitschr<ift> f<ür> Philosophie und Philos<ophischen> Kritik»¹⁹, 1915, Bd. 157, Hl. 1, II. <S.> 20–80. Здесь очень хорошо поставлены вопросы, хотя итоги и требуют синтетического подъема над собою. Главный грех двумерности в том, что она окована необходимостью: свободе просто неоткуда взяться; и обратно, со свободой некуда броситься, ибо за пределами необходимого бывания есть только пустота, мэ он²⁰. Отсюда-то и нигилизм хотя бы Толстого, Шопенгауэра и т<ому> под<обное>. Отсюда томительный позыв, гипостазированный в готике, бессильное рвотное движение... Но, возвращаясь к теме, — есть «красота» и в романтике, и в готике. В чем же она? Во всяком случае, нельзя переоценивать платонического момента форм, что привело бы к мнимо статическому, холодному миру первообразов. Есть две статики! Благословенная статика откровения реально-запредельного в свободе и пустоцветная статика прорастания «ядра» — «идеи». Между этими реализмами — бездна, определяемая антитезой подвига и роста. И именно здесь центральная проблема метафизики искусства — понять его как подвиг, а не «развитие». Романтизм двуличен: и Гете, и Шлейермахер (эпохи «Речей»²¹) не менее романтики и не более полны, нежели Новалис и Тик. У Вас второй лик романтики недостаточно учтен, а в нем-то главный соблазн.

Не знаю, удалось ли мне преодолеть свое теперешнее косноязычие, обусловленное тем, что мысли еще не отстоялись. Все, что я написал Вам, подлежит развитию в книге о Соловьеве, которая стоит на очереди и из-за которой выглядывает конспект «системы». Поэтому мне очень важно хотя бы намеками высказываться и выслушивать окрики и возражения. То, что продумано, я «программатически» излагаю в своей статье «Метафизич<еские> предпосылки общ<ественного> утопизма», которую до конца месяца пришлю с просьбой передать Бердяеву для «Софии». Статья о Дост<оевском> пока отпадает, т. к. ее у меня просят в «Славию»²², где заплатят кронами, а это по моим обстоятельствам важно. Новгородцев дал мне два томика очень интересных «Outspoken Essays» — Inge'a²³, декана <собора> Св. Павла в Лондоне, напис<анных> после войны и очень ярко выявляющих беспомощную растерянность мнимо христ<ианской> мысли Запада. Есть у него совсем евраз<ийские>

мысли, — отрицание прогресса и европоцентризма и т. д. Но нету души, а одна литература. Inge — автор новой 2-томной книги о Плотине и черпает все из него; называет себя «христ<ианским> платонистом» и полагает, что «христ<ианский> платонизм» есть третья «школа в христ<ианской> церкви» наряду с кат<олической> и прот<естанской> «партиями». Забвение о православии в устах англиканца характерно. Confessio fidei Inge²⁴ (т<ак> н<азываемая> вводная статья) очень мало носит в себе подлинной христ<ианской> религиозности, он открыто становится на точку зрения эманатизма. Но много тонких мыслей, м<ежду> про<чим> и на тему рел<игиозной> культуры — показательных по безнадежности. Я бы хотел об этом написать статью — обзор тоже для Софии, — думаю, что мог бы тоже к началу июня. И, нак<онец>, о Дрише (в связи со Шварцем, о кот<ором> выше) ряд соображений о проблеме пантеизма и теодицеи. — Пишу это В<ам> к тому, что Бердяев пригласил меня в «С<офию>» через Сав<ицкого>, кот<орый> получил от него письмо.

Об «Устоях» поговорите с Ар<сеньевым> — о его статье. Я ему написал подр<обное> письмо. Бицилли о кат<олицизме> писать не будет, и под впечатлением ст<атьи> Карсавина о «Дост<оевском> и кат<олицизме>» в сборнике о Дост<оевском> петерб<ургского> изд<ательства>²⁵. Мне пришло в голову, не предложить ли эту тему Карсавину. Как Ваше мнение? Я на этом нисколько не настаиваю, но забочусь о полноте материала, а авторов не вижу. — Простите мне бессвязность и «авторитарность» моего прошлого письма! Я совсем развинулся с нервами из-за желуд<очных> потрясений и стал злющим. Работа, одн<ако>, скорее клеится, чем нет.

Крепко обнимаю.

Ваш ГФлоровский

Передайте мой привет всем Вашим и поскорее пишите. Что же сборник? Письмо Гл<еба> Струве²⁶ пошлите по почте.

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 5–8.

¹ Сувчинский П.П. Миросозерцание и искусство // София (Берлин). 1923. С. 108–124.

² Несмелов Виктор Иванович (1863–1937) — русский философ и богослов, профессор Казанской духовной академии, автор двухтомного фундаментального труда «Наука о человеке» (Казань, 1898–1903).

³ полагание (нем.).

⁴ Откр. 10: 6.

⁵ Флоровский ссылается на главу «Письмо восьмое: Геенна» из книги священника Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины» (М., 1914).

⁶ Бергсон (Bergson) Анри (1859–1941), французский философ и психолог, автор книги «Творческая эволюция» (L'évolution créatrice. P., 1907), в которой время понимается как длительность (durée).

⁷ Карсавин Лев Платонович (1882–1952) — русский историк и философ, профессор Петроградского университета. В 1922 г. выслан из советской России, жил в Берлине, затем примкнул к евразийскому движению и в 1926 г. переехал в Париж. С 1928 г. профессор Каунасского университета в Литве, в 1949 г. арестован советскими властями и отправлен

в лагерь, где вскоре умер. Флоровский подразумевает учение Карсавина о всеединстве, согласно которому человечество есть всеединый, всепространственный и всевременный субъект (см.: *Карсавин Л.П.* Философия истории. Берлин, 1923).

⁸ Речь идет о разделе «Свобода твари и ад» в главе «Теодицея» из книги Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни» (М., 1918).

⁹ О «дырмоляйстве», которое сравнивалось с проповедью Л.Н. Толстого, писал В.С. Соловьев в предисловии к «Трем разговорам о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900): «Много лет тому назад прочел я известие о новой религии, возникшей где-то в восточных губерниях. Эта религия, последователи которой назывались вертидырниками или дырмоляями, состояла в том, что, просверлив в каком-нибудь темном углу в стене избы дыру средней величины, эти люди прикладывали к ней губы и много раз настойчиво повторяли: “Изба моя, дыра моя, спаси меня!” Никогда еще, кажется, предмет богопочитания не достигал такой крайней степени упрощения» (Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 636–637).

¹⁰ порыв (*фр.*).

¹¹ Так в тексте.

¹² в действии (*лат.*).

¹³ жизненный порыв (*фр.*).

¹⁴ *Николай Кузанский* (Nicolaus Cusanus; 1401–1464) — немецкий теолог и философ, кардинал Католической церкви, ориентировался на неоплатонизм, создал учение о Боге как актуальной бесконечности и потенциальной основе всего сущего.

¹⁵ *Франк Семен Людвигович* (1877–1950) — философ, приват-доцент Петербургского университета (1912–1917), профессор Саратовского университета (1917–1921). В 1922 г. выслан из советской России, жил в Германии, в 1937–1945 гг. во Франции, с 1945 г. в Англии. В трудах по метафизике и гносеологии (Предмет знания. Пг., 1915; Непостижимое. Париж, 1939; Реальность и человек. Париж, 1956) Франк неоднократно ссылался на Николая Кузанского, которого понимал как одного из своих идейных предшественников.

¹⁶ *Карсавин Л.П.* Джордано Бруно. Берлин, 1923.

¹⁷ «Мысль о Боге в истории философии» (*нем.*).

¹⁸ «Развитие пантеизма в Новое время» (*нем.*).

¹⁹ «Журнал философии и философской критики» (*нем.*).

²⁰ От μη οὐν — небытие (*греч.*).

²¹ *Шлейермахер* (Schleiermacher) Фридрих (1768–1834) — немецкий теолог и философ, проповедовал проникнутое идеализмом и романтизмом учение о религии в произведении «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим» (1799), позднее занимался разработкой «системы философской этики».

²² Научный филологический журнал «Slavia» издавался в Праге с 1922 г. В наиболее полной библиографии Г.В. Флоровского, составленной Э. Блейном, статья о Ф.М. Достоевском для журнала «Slavia» отсутствует (см.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 371–409).

²³ *Индж* (Inge) Уильям Ральф (1860–1954) — английский писатель и богослов, англиканский священник, декан собора Св. Павла в Лондоне, исследователь неоплатонизма («Философия Плотина», 1918), автор многочисленных книг и статей. Флоровский упоминает его двухтомные «Откровенные эссе» (Outspoken essays. London, 1919, 1922).

²⁴ исповедание веры (*лат.*).

²⁵ *Карсавин Л.П.* Достоевский и католицизм // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы. Пг., 1922.

²⁶ *Струве* Глеб Петрович (1898–1985) — историк русской литературы, поэт, переводчик, сын П.Б. Струве. С 1918 г. в эмиграции, жил в Берлине, Париже, Лондоне, профессор Лондонского университета (1932–1946). С 1946 г. жил в США, профессор Калифорнийского университета в г. Беркли (1947–1967).

12

26 мая 1923 г. Прага

Прага Чешская, 26.V.1923

Дорогой Петр Петрович,

С рукописью моего Герцена произошло недоразумение. Вы, очевидно, передали Гл. Струве тот старый экземпляр, который когда-то получили от Блюменфельда, а не новый, чистый и окончательный, который был в «Слове» и о котором я писал Вам с приложением двойной доверенности Вам и Арапову. Я выписал себе экземпляр от Струве и убедился в ошибке. Между тем для диспута мне дозарезу нужен именно окончательный экземпляр. Если Вы его еще не взяли из «Слова», убедительно прошу взять и немедленно express'ом прислать мне, т. к. иначе я рискую многим на защите. Простите за беспокойство, но еще и еще раз подчеркиваю свою просьбу: до получения буду страшно волноваться. И непременно express'ом по моему адресу: Praha IV; Keplerova 8, Hotel Savoy, čielo 16–17. Думаю, что тогда получу 30–31 мая. Имейте в виду, что 31-го чешский праздник и почта закрыта.

«Метафизические предпосылки общественного утопизма» предназначаются для «Софии», — прошу передать Бердяеву.

Получил Ваше письмо и отвечу подробно после диспута.

Крепко обнимаю и целую.

Ваш ГФлоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 9.

13

16 августа 1923 г. Герберсдорф

Görbersdorf (Schlesien), Dr. Weicker's
Sanatorium «Marienhaus», 1923, VIII, 16

Дорогой Петр Петрович,

Привет Вам из Герберсдорфа.

Спешу попросить у Вас прощения за нечаянный увоз Несмелова. Обнаружил я это только в вагоне, т. к. держал его в Берлине все время в портфеле вместе с выписками и не доглядел. Верну его Вам через Ольденбурга¹ или Струве jun², которые будут скоро отсюда возвращаться. Не сердитесь на меня.

Совсем забыл Вас спросить, посланы ли были экземпляры «России» и латинства³ Бицилли? Он очень обижен их неполучением. Это надо исправить.

Еще не начал заниматься, но уже предчувствую, что «Р<усская> философия к<ак> задача» просто упраздняется — часть из нее отойдет в статью для «Софии», а об остальном просто не время еще говорить.

П<етр> Ник<олаевич> еще здесь. Скоро напишу опять.

Ваш ГФлоровский

Пишите по адресу, выше обозначенному. Пробуду здесь дней 10–12.

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 10.

¹ *Ольденбург* Сергей Сергеевич (1887–1940) — русский историк и публицист, сын академика С.Ф. Ольденбурга. С 1920 г. в эмиграции, сотрудник выходивших под редакцией П.Б. Струве периодических изданий (журнала «Русская мысль», газет «Возрождение» и «Россия»), автор знаменитого труда «Царствование императора Николая II» (Белград, 1939).

² молодой, юный (*лат.*). О «молодом Струве» см. примеч. 24 к письму 11.

³ См. примеч. 2 к письму 8.

14

5 октября 1923 г. Прага

Praha IV. Hradčany.
Keplerova ul. 8 Hotel «Savoy»,
č. 16–17
1923.X.5

Дорогой Петр Петрович,

Ваше долгое, бесконечное молчание в ответ на мое последнее письмо наводит меня на грустные догадки:

1) что Ваши личные дела не совсем благополучны, — на это мне намекал в неясной форме с чьих-то слов Н.А. Бердяев, и я хотел бы знать, не могу ли быть чем-либо В<ам> полезен;

2) Что Вы на меня сердитесь и между нами, так сказать, «все кончено».

Втор<ая> догадка для меня бесконечно тревожна и мучительна. Ее подтверждает обращение Савицкого к отцу Сергию Булгакову с просьбой взять на себя руководство изданием рел<игиозно>-ф<илософского> сб<орника> на английск<ом> языке, средства для кот<орого> дает тот же америк<анский> друг Савицкого (?!), что субсидирует и англ<ийский> евраз<ийский> сборник. Я сделал отсюда для себя два практических вывода, руководясь принципом «насильно мил не будешь», и прошу их принять объективно и в качестве категорических императивов:

1. Я затрудняюсь принимать участие в англ<ийском> евраз<ийском> сборнике и прошу исключить из него переводы моих прежних статей, тем более что они устарели для меня.

II. Боюсь, что пребывание мое в недрах «Евраз<ийского> издат<ельства>» и «Общества р<усско>-аз<иатских> изучений» наложит на меня хотя бы косвенную ответственность за поступки, о которых я даже и знать не буду, и т. к. фактически я уже выпал из сферы информации, то принуждаюсь теперь же настойчиво просить вычеркнуть мою подпись из всех (к счастью, только частных) актов, касающихся издат<ельства> и «общества», и впредь считать меня в этом отношении совершенно частным человеком. Я прошу этого не из обиды или нетерпимости, но ради ясности и ради того, чтобы изъять из сферы наших личных отношений все поводы к столкновениям и несогласиям.

Мне очень неприятно, что Вы лично, дорогой П<етр> П<етрович>, не захотели расчленив евразийского и личного. Иногда думается, не от того ли так случилось, что я как таковой и вообще для Вас безразличен, а пользовался Вашей благосклонностью лишь в качестве технич<еского> сотрудника «по направлению». Я не столь самомнителен, чтобы считать себя очень интересным знакомым и достойным дружбы. Но я думал, что у нас существуют личные отношения. Теперь вижу, что ошибался, что была лишь партийная связь. Вышел скандалист из партии, и никому больше не нужен!..

Простите резкость моих суждений. Я думаю, что лучше уж все точки над всеми буквами поставить. Вас из своего сердца и любви не выбрасываю и горюю, что выпал сам из Ваших.

Крепко обнимаю и целую.

Ваш *ГФлоровский*

Привет Анне Дм<итриевне> и всем Вашим, в т. ч. Арапову.

P. S. 1. Несмелова посылаю через Берд<яева>.

2. Если Арс<еньев> передаст Вам для меня книгу Труб<ецкого> о Сол<овьеве>¹ и у Вас нет возможности теперь же переслать ее мне, верните ее Арсеньеву, — она мне очень нужна, и жаль, что не воспольз<овался> поездкою Берд<яева> сюда для передачи.

<P.>P.S. Прочтя письмо свое, я захотел добавить еще несколько слов. Но только не сумею выразить то болезненное чувство, которое испытываю, воспроизводя в памяти обстоятельства нашего «разрыва». Я чувствую, что рвутся какие-то глубокие нити, протянувшиеся в Софии, что надрывом кончается некий цикл, «евразийством» вовсе не исчерпывающийся. И я совсем не знаю, «надо» ли это и к чему оно... Поверьте и почувствуйте, что мое «отпадение» предметно — необходимо, а вся «психологистическая» мотивировка совершенно эпифеноменальна и не в ней суть. Князь это, по-видимому, понял, и я ему очень благодарен за его теплое, хотя и твердое письмо, кот<орое> он написал, получивши от Вас мою «абдикацию»². Он не хочет расставаться со мною. А в Вашем хотении (иначе я не могу объяснить В<ашего> молчания!) расстаться я вижу новое доказательство лжеверности евраз<ийской> односторонности и «определенности».

Это, вероятно, последнее письмо, которое я Вам пишу. Пусть же кончится оно теплым и любящим приветом.

Целую и обнимаю.

Флоровский

ДРЗ. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 30. Л. 13–14.

¹ Трубецкой Е.Н. Мирозозерцание Вл.С. Соловьева. М., 1913. Т. 1–2.

² От лат. *abdicatio* — отречение.

15

23 ноября 1923 г. Прага

Praha IV. Hradčany,
Keplerova ulice 8, Hotel Savoy, č. 16–17

1923.XI.23

Дорогой Петр Петрович,

Мне давно уже следовало написать Вам подробное и существенное письмо. Но всякие внешние заботы мешали мне достигнуть того равновесного настроения, при котором находились бы соответственные слова. Вскоре после получения В<аших> последних писем, т. е. уже месяц т<ому> наз<ад>, я имел продолжит<ельный> разговор с П<етром> Ник<олаевичем>. Из него я вынес тяжелое впечатление о какой-то поспешной подозрительности, кот<орая> овладела Вами (лично) в отношении ко мне. Не стоит тратить время на плоские «объяснения». Вы писали, что «слово за мною...». Теперь я беру это слово. Вы правы, что-то недоброе со всеми нами приключилось этим летом. Но я верю, что доброго намерения нашего достаточно, чтобы весь этот вражий туман рассеять. Я охотно винюсь в своей опрометчивости, но должен еще раз подчеркнуть, что руководила мною одна цель, от кот<орой> и сейчас не должен и не смею отказаться. Меня продолжает смущать преувеличенная привязанность к «евраз<ийскому>» лозунгу, особенно когда Вы обрушили на меня поток нервных слов из-за того, что я подумал о возможности уступить Булгакову в вопросе об издат<ельской> марке. Это его пожелание, а не мое. Я только не смел думать, что эта мелочь может быть достаточна для отказа от помощи такого сильного человека в деле церковном. Это — не упрек. Но, право, мы, евразийцы, слишком заражены кружковщиной и подозрительны не в меру к «старшему» поколению. Это — худая обстановка для начинаний. Забудем это недоразумение. Теперь на носу более важные дела. По моему ощущению, началась всеобщая бестолковица и совершенно неотложно выступить с церковным действием... Все острее чувствую, что иные слова поблекли. Это мое интимное ощущение, и оттого мне мистически страшны все наши недоразумения. М<ожет> б<ыть>, я не прав, но тогда обличите меня, не отлучайте от друж<еской> любви. Напрасно Вы, П<етр> П<етрович>, подумали, что я «Вас» на кого-то променял. Вас всех я крепко люблю и не могу перестать, но нельзя же впадать в интеллигентскую мягкотелость. Тема «евраз<ийской> самобытности» для меня потеряла всю остроту свою, ибо я чувствую, что мы вдвинулись в иной эон, в

небывалое... И теперь ко времени только общеправосл<авные>, вселенские темы. Не могу сейчас по правде непреложно верить и в славное будущее Вел<икой> России. Несомненно уже прославлена чудотворениями Святая Русь, но явится ли она в образе «правосл<авной> империи» — не знаю. На очереди соблазны веры, а не национально-историч<еского> сознания. Поэтому я могу только жалеть, что мы потратили свои силы на запоздалый (по моему внутр<еннему> чувству) «Евраз<ийский> врем<енник>» и заложили надолго издания православного, церк<овного> и рел<игиозно>-фил<ософского> хар<актера>. Если я ото всего «отказался», то не потому, что я решил бросить вас, а потому, что не хотел мешать вам идти своей дорогой и навязывать и себе, и вам какой-то незаконнорожденный компромисс. Уже почти год я твержу, что надо издавать рел<игиозные> сборники. По-моему, только это и есть дело. И в этом деле я всею душою с Вами и только жду, чтобы и всем Вам стало ясно, что с этого надо начинать и в это вложиться. Тогда и евраз<ийские> темы снова оживут. Пока же, простите, не могу отделаться от мысли, что это все интеллигентская забава.

Поймите, наконец, всю серьезность моей евразийской боли: личные недоразумения только заслоняют суть. Буду очень ждать Вашего ответа.

Я не хочу отделяться от Вас, но лучше для всех нас, чтобы наше согласие держалось не на компромиссе, а на испытанной разделением и возрождением дружбе, терпящей упреки и разногласия.

Не лишайте меня Вашей дружбы, кот<орая> для меня и теперь дорога больше многого. Но не могу быть одному и сейчас особенно остро переживаю некое «святое недовольство», предвещающее переход на «высшую» ступень. Последнее время довольно много работал, м<ежду> пр<очим> по первохрист<ианской> истории, и со всею остротою чувствую протест<антское> разложение. Готовлюсь писать о Соловьеве большую книгу. И очень жалею, что Вы не прислали мне арсеньевского Трубецкого. Начал четырехчас<тный> цикл о Достоевском. Но всем недоволен. Старое все я изжил, и надо усилием воли переместиться в новое. От этого роста я и стал как-то угловат.

Кончаю новым пожеланием, чтобы это письмо нашло у Вас созвучный отклик и Вы скоро на него ответили.

Привет Анне Дм<итриевне>. Уехала ли Анна Ивановна во Францию? Кланяйтесь Арапову.

Крепко обнимаю и целую Вас, мой дорогой Петр Петрович, любящий Вас

Флоровский

П<етр> Н<иколаевич> <Савицкий> хотел говорить со мною о каких-то лит<ературных> планах, но заболел, и я не знаю, в чем дело.

ГФлоровский